№ 47 DIELO TROUDA-PROBUZHDENIE Цена 25 сентов

ДЕЛО ТРУДА
ПРОБУЖДЕНИЕ

ОРГАН ОБЪЕДИНЕННОЙ ФЕДЕРАЦИИ
РУССКИХ РАБОЧИХ ОРГАНИЗАЦИЙ США И КАНАДЫ

ЯНВАРЬ-АПРЕЛЬ 1955 г.

DIELO TROUDA-PROBUZHDENIE
P. O. Box 54, Cooper Station
New York 3, N. Y.

30-й год издания

ГОСУДАРСТВО И ВОЙНА

Прошло уже десять лет с окончания Второй мировой войны, но мир все еще не знает настоящего мира. Хуже того: великие державы обоих блоков лихорадочно вооружаются, готовясь к новой войне с надеждой на победу и не считаясь с тем, что результатом тотальной атомной войны может быть лишь полное разрушение всей цивилизованной жизни, а вместе с ним массовое истребление народов. Спрашивается: кто же является непосредственным виновником возникающих войн — народы или их правительства?

Мы знаем, что капиталистический строй является одной из причин возникновения войн, но кровавым делом войны заведует государство, как организованная вооруженная сила, звериная сущность которой никогда не обнаруживается в такой откровенной форме и отталкивающей наготе, как в подготовительный период войни. Сквозь фальшивые и лицемерные фразы о защите нарушенных нейтралитетов слабых государств, сквозь лживые призывы к защите демократии и национальных прав порабощенных народов ярко выступают хищнические аппетиты государства, стремящегося к расширению своего владичества.

Во все времена истории государство являлось грабительским предприятием, орудием угнетения народов, отрицанием человеческой свободы и международной солидарности.

Государство посылает на войну молодых и здоровых людей своей страны и делает из них убийц и калек. Оно деморализует и развращает человека, убивая в солдате самое высшее и драгоценное — его совесть и человеческое достоинство. Чтобы овладеть душой солдата, государство овладевает его телом и подстрекает солдат убивать даже родных и близких им людей. Насильственным образом оно посылает своих вооруженных солдат покорить слабые народы, подчинить их своей власти и господствовать над ними.

На охране "священной" частной или государственной собственности создались все государства, цель которых порабощать и эксплуатировать слабых. И те, кто стоят на необходимости и полезности государства — демократического, социалистического или коммунистического, — приходят к логическому заключению о неизбежности войны и невозможности борьбы против нее.

Для народов же война является страшным злом, от которого они больше всего страдают: несут неисчеслимые жертвы, истекают кровью и ничем не вознаграждаются. Их общее положение не улучшается даже тогда, когда "их государство" выигрывает войну. Поэтому всякая война равносильна самоубийству народов ради интересов правящих клик, ибо только последние извлекают для себя материальные выгоды от войны.

Бессмысленно надеяться на международный арбитраж (на мирное разбирательство конфликтов между государствами) или возлагать борьбу против войны на организаторов всех войн — государства. Подобные стремления — утопия, ибо решения арбитра будут признаваться лишь постольку, поскольку они не будут противоречить их грабительским интересам, или только в тех случаях, когда уже после войны придется узаконить хищнические приобретения завоевателей.

Сильным и необходимым орудием борьбы против войны является антимилитаристическая пропаганда, которая должна вестись организовано всеми честными противниками войны. Необходимо широко проповедывать среди трудящихся идеи мирного сотрудничества и братской солидарности всех народов и всегда защищать точку зрения антимилитаристов, признающих только один род войны за свободу — борьбу, которую ведут во всех странах мира угнетенные против своих угнетателей.

Война есть порождение двуликой силы— государства и капитализма. Она истощает и калечит народы физически, экономически и морально, пробуждая в них зоологические низменные инстинкты. Война — антисоциальное явление. И до тех пор пока будут существовать государства и диктатуры, будет существовать милитаризм и война, неотделимые друг от друга. Только правильно поняв природу государства и диктатуры, трудящиеся всего мира, несущие на себе бремя милитаризма, смогут вести успешную борьбу против войны. И только с упразднением государства и тесно связанного с ним милитаризма станет возможной мирная братская жизнь народов и осуществится анархизм, который обеспечит человечеству мир, свободу и счастье. *Л. Липоткин*

БАКУНИН И МАРКС

Социалисты, последователи Маркса, тщетно старались убедить трудящихся всего мира, что Маркс открыл для них правильный путь к освобождению, а никто другой. А так как наряду с Марксом в Первом Интернационале играл выдающуюся роль анархист Бакунин, то марксисты всех толков старались, и тоже тщетно, возвысить Маркса на пьедестал неувядаемой славы, а Бакунина унизить, как это делал сам Маркс. Во время русской революции между большевиками и анархистами происходили ожесточенные дискуссии по вопросу о деятельности Маркса и Бакунина в Первом Интернационале, об их взаимоотношениях и характерах.

Дискуссии прекратились тем, что большевики, укрепившись во власти, разгромили анархическое движение, как их смертельную оппозицию. С тех пор в анархической прессе мало писалось по этому вопросу.

Итак, Бакунин и Маркс жили и действовали в одно время. Оба они являются крупнейшими представителями рабочего движения. Бакунин и Маркс были вождями и деятелями 1-го Интернационала и их влияние было настолько велико, что, как мы увидим далее, благодаря расколу и идейной борьбе между ними, распался Первый Интернационал.

Маркс и Бакунин разбили рабочее движение на два разнородные течения или, вернее, они оформили два различные, по своей форме и тактике, направления: Маркс положил начало социал-демократическому течению, а Бакунин основал анархическое течение.

Прежде чем перейти к их разногласиям, к той роли, которую каждый из них играл в Интернационале, к той позиции, которую каждый из них занимал вообще, я приведу характеристику каждого из них, дабы параллель между ними была бы более полной и цельной, ибо их взаимоотношения были не только идейного, партийного, но и личного характера.

К тому же хочется освежить в памяти их личные отношения, дабы показать, что современные ученики Маркса идут в этом отношении по стопам своего учителя...

Для их характеристики я не хочу выражать свои собственные суждения, а приведу мысли и мнения их современников, таких общественных и литературных деятелей, которые их лично знали, или специально изучили их жизнь.

Вот что говорит критик и публицист *Анненков* о встрече с Марксом: "Маркс уже и не говорил иначе, как безапелляционным приговором, над которым царствовала еще одна, до боли резкая нота, покрывавшая все, что он говорил. Нота выражала твердое убеждение в своем призвании управлять умами, законодательствовать над ними и

вести их за собой. Передо мною стояла олицетворенная фигура демократического *диктатора*." Известный русский экономист *Туган-Барановский* так характеризует Маркса: "Этот проповедник равенства в своей жизни вел себя, как настоящий *диктатор;* до такой степени, что ничто не напоминало об его социалистических воззрениях."

Даже Либкнехт, его величайший поклонник, приводит в своих воспоминаниях много черточек, обрисовывающих самолюбие и демагогическую натуру Маркса.

Совсем другое впечатление производил Бакунин. Знаменитый Герцен, который определил его, как "исполина с львиной головой, со всклоченной гривой," так очертил его характер: "В нем было что-то детское, беззаботное и простое и это придавало ему необычайную прелесть и влекло к нему слабых и сильных, отталкивая одних чопорных мещан."

Тот же *Герцен,* называя Бакунина "великим бродягой," говорит о нем: "Не заботясь о завтрашнем дне, тратя свои деньги направо и налево, одалживая их с наивностью ребенка, Бакунин был всегда одним и тем же, брал с той же простотой, с какой отдавал все, что имел."

Белинский, который называл Бакунина своим "духовным отцом," подчеркивает в его характере "вечно двигающее начало, лежащее в глубине его духа."

Французский историк Великой Революции *Жюль Мишель* так говорит о портрете Бакунина, который он держал у себя на столе: "Этот портрет — залог нашего союза, прекрасное великое воспоминание о самопожертвовании того, для кого родиной стала вселенная."

Великий композитор *Рихард Вагнер* в своих героях воплощал Бакунина. Известно, что Тургенев в Рудине старался нарисовать портрет Бакунина. "Но Рудин," говорит Герцен, "едва напоминает черты Бакунина. Рудин Тургенева—молодой Бакунин."

Немного ниже мы увидим воочию, во что Маркс превратил Бакунина. Так как Маркс и Бакунин были очень в близких отношениях, то интересно также их мнение друг о друге.

Касаясь личных отношений к Марксу, Бакунин говорит: "Истинной близости между нами никогда не было. Наши характеры не гармонировали. Маркс, называя меня сентиментальным идеалистом, был прав; я назвал его двухличным хвастуном и лицемером и тоже был прав."

В другом месте он говорит: "Его тщеславие не имело границ. Это тщеславие, и так очень развитое, было еще очень увеличено обожанием друзей и учеников. Мелочный, ревнивый, вспыльчивый, Маркс запрещал иметь других богов, кроме самого себя."

Прудон, который хотя и не был богом, но был великим революционным мыслителем, стал больным местом Маркса. Хвалить Прудона в присутствии Маркса значило смертельно обидеть его и испытать все последствия его вражды, которая не останавливалась ни перед ненавистью, ни перед клеветой.

Посмотрим теперь, что Маркс говорит о Бакунине. И он испытал на себе обаяние его личности; в одном письме к Энгельсу он писал: "Бакунин тебе кланяется. Я увидел его первый раз после шестнадцати лет. Я должен сказать, что он очень мне понравился. В общем это один из редких людей, которых я, после 16-ти лет, нашел идущим вперед, а — не назад."

Тут-то обнаруживается основная черта характера Маркса: он мог быть лучшего мнения о человеке, но Маркс был политиканом и демагогом и не останавливался ни перед чем, если в политических целях ему нужно было унизить даже лучшего из людей. Так было и по отношению к Бакунину. Маркс всю жизнь не переставал преследовать его самыми грязными клеветами и инсинуациями. Нападки на Бакунина Маркс начал еще раньше их столкновения в Интернационале.

В первый раз Маркс пустил известие о том, что Бакунин—агент русского правительства, когда Бакунин в ожидании смертного приговора находился в крепости Кенингштейн в Австро-Венгрии.

История этой клеветы такова: Маркс рассказал в своей газете целую историю о том, что Жорж Занд, французская писательница, будто бы владеет документами, которые сильно компроментируют Бакунина, высланного из Франции, и доказывают, что Бакунин является орудием в руках русского правительства, — его тайным агентом. При этом указывалось, что он является виновником каких-то арестов. На это, разумеется, сейчас же появилось опровержение. Жорж Занд, которая решительно отрицала существование у нее каких бы то ни было компроментирующих Бакунина документов, отзывалась с величайшей похвалой о Бакунине.

Несмотря на это, Маркс сделал такое двухсмысленное замечание: "Мы сообщили это известие нашим читателем в том виде,

в каком получили его от двух разных незнакомых друг с другом корреспондентов." При этом не указывал, какие это корреспонденты. Впоследствии, стараясь оправдаться, Маркс объяснил, что его не было, когда поместили эти заметки.

Клевета же распространялась много раз, как самим Марксом, так и его сторонниками.

Отчаявшись представить Бакунина шпионом, Маркс распространил среди лондонских эмигрантов мнение о том, что Бакунин — фальшивомонетчик. Воспользовался он для этого тем, что в одной буржуазно-реакционной газете появилась заметка о том, что заграницей существует общество поджигателей и подделывателей русских кредитных денег, при этом указывалось, что в этом обществе принимают деятельное участие Герцен и Бакунин.

Что бы к подобным клеветам прибегали реакционно-капиталистические газеты — вполне понятно, но что бы такими слухами пользовался Маркс — ум отказывается постичь.

Когда после побега из Сибири Бакунин делается членом Интернационала, он опять сталкивается с Марксом на почве программных и тактических разногласий. Каждый из них иначе смотрит на Интернационал, предлагает ему другую программу, иные цели. Таким образом разгорается между ними партийная борьба, на подробностях которой место не позволяет мне останавливаться.

Хочу только указать, что на почве этой борьбы Маркс прибегает к своей инсинуаторской кампании против Бакунина: Маркс, будучи членом Генерального совета, посылает комитетам Интернационала в разных странах конфиденциальные (тайные) сообщения, в которых Бакунин и его друзья выставляются, как враги Интернационала.

Спустя некоторое время, он опять рассылает сообщения, полные клеветы и травли исключительно против Бакунина. Против такого поведения Маркса выступила масса членов Интернационала, что приводило к общей борьбе.

Но изгнать Бакунина из Интернационала Марксу так и не удалось. Напротив, Бакунин, как идейный вождь, все больше укрепляется в Интернационале. И Марксу ничего другого не осталось, как прибегнуть к расколу, что он успешно выполнил и что привело к разрушению Первого Интернационала.

Маркс ни перед чем не останавливался для достижения своих целей. Он не брезгал даже использованием репрессивных мер правительства по отношению к своим идейным противникам.

Когда французское правительство заключило в тюрьму членов Парижской Коммуны, неугодных также и Марксу, он радуется этому и пишет Энгельсу: "К счастью, наши старые парижские знакомые — под замком. Парижский Комитет пришлет в Брюссель только одного делегата."

Не характерно ли это? Радоваться во имя своих личных интересов тому, что правительственная реакция засадила в тюрьму лучших французских революционеров того времени? Это напоминает нам современное поколение "большевиков-марксистов," провоцирующих бакунистов, "срывающих с них маски," вызывая их "на открытые дебаты," зная при этом, что существуют исключительные законы против них.

Итак, сказанного вполне достаточно для личной характеристики этих двух выдающихся деятелей рабочего движения Первого Интернационала, подчеркивающего глубокую внутреннюю пропасть, которая разделяла их.

Теперь остается рассмотреть их воззрения, учения и ту роль, которую они играли в рабочем движении.

Начнем с Интернационала. Какие принципы, какую позицию каждый из них защищал в Интернационале?

Прежде чем выяснить это, я считаю необходимым подчеркнуть, что 1-ый Интернационал был организован не Марксом, как утверждают его сторонники, а самими рабочими, французскими и английскими, без участия кого бы то ни было из буржуазии. Ни немецкие рабочие вообще, ни Маркс в частности, не принимали участия в его организации. При этом никогда не следует упускать из виду, что хотя "коммунистический манифест" Маркса и Энгельса существовал в то время, еще с 1848 года, "Международная Ассоциация Рабочих," т. е. Интернационал не воспользовался — не принял этот манифест. Это значит, что он не согласился с ним и не захотел его признать своей программой.

Интернационалом был избран специальный комитет, который должен был выработать статуты, т. е. манифест Интернационала. Марксу же, который впоследствии сделался членом Интернационала поручено было редактировать статуты, разработанные самим комитетом.

Не трудно понять, что главной целью

Маркса было то, чтобы его манифест, в ковычках, сделался манифестом Интернационала.

Но посмотрим, какие принципы сами рабочие положили в основание организованного ими Интернационала.

На первом собрании Толеном от имени французских рабочих была предложена следующая резолюция: "Рабочие всех стран, желающие быть свободными, настало время созывать ваши конгрессы! Народ снова выступает на сцену с сознанием своей мощи против тирании (власти) в политике, против монополии и привиллегии в строе экономическом. Вам, рабочим всех стран, надобно объединиться." (Вот кому, между прочим принадлежит знаменитая фраза "Пролетарии всех стран соединяйтесь," а не Марксу.)

Митинг встретил ее с восторгом и принял ответную резолюцию: "Выслушав наших братьев французов, принимаем их программу, полезную в деле улучшения условий жизни и освобождения рабочих классов и берем ее за основание Интернациональной организации."

Ясно отсюда, что международная ассоциация рабочих поставила себе целью одновременное, непосредственное освобождение рабочего класса от экономического и политического рабства. Это именно та точка зрения, на которой стояли и которую защищали Прудон и Бакунин.

В то время, как "Манифест" Маркса первым шагом революции намечает завоевание пролетариатом политической власти, программа Интернационала стремится к непосредственному социальному перевороту с целью уничтожения политической и экономической власти. Его статуты гласят, что освобождение рабочего класса должно быть завоевано самими рабочими, что борьба за освобождение рабочего класса имеет в виду борьбу не за классовые привилегии или монополии (Маркс же стремится к "господству" рабочаго класса, не сознавая ,что это означает привиллегию), а за равные права и равные обязанности, что экономическое подчинение рабочего класса монополизатору или орудиям производства является источником рабства, общественной нищеты, умственного падения, политической зависимости и т. д.

Итак, в отношении политической и экономической борьбы, в отношении роли политики, государства в пролетарской борьбе, в отношении принципа государственности и расходились Маркс и Бакунин.

То, что первые основатели Интернационала и вместе с ними и Бакунин расходились с Марксом главным образом в вопросе о значении парламентской, политической борьбы о роли государства указывает следующий факт:

Выражая свое несогласие и недовольство по поводу принятой программы Интернационала и сожалея также, что не присутствовал в организации его с самого начала, Маркс писал своему другу д-ру Кугельману (письмо от 9 октября 1866 года): "Головы господ (это он так отзывается о рабочих) парижан были наполнены пустой фразеологией Прудона. Они говорят о науке и ничего не знают. Они *отворачиваются* от всякой "революционной" и вытекающей из самой классовой борьбы деятельности, от всякого центрального и поэтому осуществимого с помощью *политических* средств, например, уменьшения рабочего дня *законодательным путем,* (курсив Маркса) общественного движения."

Очевидно отсюда, что Маркс настаивал именно на участии рабочих в *"буржуазном государстве,"* а не на преобразовании его в рабочее государство.

Что касается новейшего "большевистского" толкования Маркса, которое выдвигает исключительно пункт об уничтожении буржуазного государства и замене его рабочим, то это только указывает на то, что учение Маркса не выдержано, что оно построено на противоречиях.

Если Ленин и большевики приводят много мыслей и текстов из сочинений Маркса в оправдание своего "большевистского марксизма," то меньшевики могут привести еще больше текстов в оправдание своего "меньшевистского марксизма."

Относительно новоизобретенного ленинского толкования Маркса у нас будет речь особо в специальной статье, в данном же случае нас интересует то, в чем расходится Маркс с Бакуниным, а по отношению к нему Маркс, без сомнения, был "меньшевистским марксистом."

По определению самого Бакунина, разница между течениями, которые он и Маркс представляли, заключается в том, "что авторитарные социалисты (Маркс) ждут спасение от преобразования государства, а революционные социалисты, антиавторитарные (Бакунин) возлагают свои надежды на уничтожение государства."

Бакунин настаивал в Интернационале, что рядом с вопросом о политической свободе

должен решаться вопрос об экономической независимости, ибо частная собственность, наемный труд, составляют основу буржуазного общества, охраняемого государством, а поэтому политическая власть, экономическая эксплуатация и гнет должны быть уничтожены.

Маркс же хотел обратить всю деятельность рабочего Интернационала, созданного для прямой борьбы с капитализмом и поэтому самому с государством, в орудие политической борьбы, или вернее, парламентской агитации.

Вместо социальной революции, проповедуемой Бакуниным, Маркс пропагандировал эволюцию производственных отношений, легализм и парламентаризм.

Бакунин провзгласил лозунг немедленного, непосредственного экономического и политического переворота на том основании, что существование частной собственности и госудрства являются причинами экономического и политического рабства, которые неразрывно связаны друг с другом и не отделимы друг от друга.

Маркс же выдвынул на первый план парламентскую деятельность, рабочее законодательство, реформизм и в конечном счете завоевание пролетариатом политической власти.

Что же будет после того, когда политическая власть будет захвачена?

На этот вопрос "Коммунистический Манифест" отвечает так: "Пролетариат употребит свое политическое *господство* на то, чтобы постепенно вырвать у буржуазии весь капитал, сосредоточив все орудия производства в руках государства, т. е. организованного в господствующий класс пролетариата."

По поводу этого проекта, заменяющего всецело социальную революцию, и который должен осуществить социализм, Бакунин спрашивает:

"Если пролетариат будет господствующим сословием, то над кем он будет господствовать? Значит остается еще другой пролетариат, который будет подчинен этому новому господству, новому государству. Неужели весь пролатариат будет стоять во главе управления? Неужели миллионы народа будут членами правительства? Если весь народ будет управляющим, то управляемых не будет. Тогда не будет правительства, не будет государства, а если будет государство, то будут управляемые, будут рабы."

Эти прекрасные аргументы применимы в настоящее время по отношению к "рабочему" государству, независимо от того, является ли оно результатом преобразования или разрушения буржуазного государства. Итак, основное разногласие между Бакуниным и Марксом заключается в том, что по учению Маркса разрушение капиталистического строя и осуществление коммунизма должно произойти посредством государства, а по учению Бакунина — посредством уничтожения самого государства.

Проверим теперь те теоритические принципы, на основании которых Маркс приходит к указанным выводам. Для этой цели обратимся к тому же "Коммунистическому Манифесту," который составляет, так сказать, квинт-эсенцию марксизма, "научного социализма." Хотя Николай Ленин, а за ним все большевики отодвинули его на задний план, выдвигая другие сочинения Маркса, или вернее отдельные фразы, но факт тот, что до Российской Социальной Революции "Коммунистический Манифест" признавался, как "святая святых" марксизма, и его назвали библией рабочего класса.

Кто хочет уяснить себе те противоречия, которые встречаются в этом "оригинальном творчестве," тот прежде всего должен быть посвящен в ту тайну, что этот манифест в действительности не произведение Маркса-Энгельса, а является литературным плагиатом манифеста французского социалиста Виктора Консидерана. Известный ученый анархист Черкезов написал специальную книгу: "Доктрина Марксизма," в которой он доказывает, что не только "Коммунистический Манифест," но все абсолютно "открытия" в области политической экономии, социологии и истории, которые приписываются Марксу и Энгельсу, являются списыванием, присвоением из трудов Моргана, Томсона, Консидерана и других. Он сравнивает один текст с другим и, таким образом, обнаруживает литературное воровство Маркса-Энгельса.

Плагиат манифеста Консидерана Марксом-Энгельсом теперь вполне установлен.

Это признает известный литературный критик Г. Брандес, итальянский соц.-демократ Лабриона. И даже Каутский принужден признать, что идеи Маркса содержатся в манифесте Консидерона.

Теперь, зная, что "Коммунистический Манифест" и основные его теоретические обоснования принадлежат не Марксу-Энгельсу, а всей радикальной и социалистической литературе первой половины 19-го сто-

летия, понятно, почему Маркс сделал ложные выводы из основных положений этого манифеста.

Главная мысль это та, "что в каждую данную эпоху экономическое производство и неизбежно обусловливаемое им строение общества составляют основу политической и умственной истории."

Материалистическое понимание истории состоит в том, что основной фактор общественной жизни — это экономическая организация общества, материальные и производственные отношения. Экономический фактор есть основа, фундамент всех социальных, политических и духовных явлений общества. Выражаясь по-марксистски, экономика — это базис; политика, все государственные учреждения — это надстройка. Экономические отношения представляют основу, фундамент, а все остальные суть последствия, результаты их.

Отсюда само собою вытекает, что если основной причиной являются экономические производственные отношения, то не посредством политики государства можно изменить общественную жизнь, а изменить ее можно посредством изменения самого фундамента.

Каким же образом Маркс пришел к тому выводу, что изменить существующее общество следует посредством государственных учреждений?

Получился он благодаря следующему произвольному построению или просто афоризму, положенному им в основание его тактики борьбы классов: "Всякая экономическая борьба есть борьба классов; всякая борьба классов есть борьба политическая!" И вот вследствие этой перестановки слов, софистики, были выдвинуты на первый план политика, парламентаризм и государство, как "средства освобождения рабочего класса."

Бакунин же считал единственным средством освобождение рабочего класса — революцию — насильственный переворот. Он рассматривал борьбу рабочего класса, как социальную, т. е. как экономическую и политическую одновременно, имеющую своей целью не захват, а уничтожение как экономической, так и политической власти.

С одной стороны Маркс говорит в "своем" манифесте, "что современная государственная власть есть не более, как комитет, выбранный для заведывания делами буржуазии," а с другой стороны он предлагает рабочим принимать участие в этом буржуазном комитете.

Не противоречиво и не абсурдно ли посредством капиталистического комитета, цель которого состоит в укреплении и защите частной собственности и наемного рабства, желать освободить рабочий класс? Эту ложь, которой в течение полувека обманывали рабочих, наконец, уже признали большевики или "государственные антипарламентаристы." Но они впадают в другое противоречие, когда они вслед за Марксом говорят об уничтожении государственной власти, исчезновении государства и в то же время стремятся создать новое рабочее государство, которое нужно будет разрушить.

В одном месте Энгельс говорит: "Когда общественные классы исчезнут, с ними вместе разрушится и государство, всю государственную машину сдадут в музей древностей вместе с прялкой и бронзовым топором."

Если государство, как продукт капиталистического рабства, должно быть уничтожено, для чего же, настаивает Бакунин, его создавать и укреплять?

Государство, говорится в "Коммунистическом Манифесте," есть орудие *классового господства*. Причина же классового господства — есть частная собственность. Согласно этому, и рабочее государство, которое должно быть воздвигнуто вместо буржуазного, предполагает существование классов и в то же время частной собственности.

Спрашивается: почему же рабочий класс, обладающий "властью," разрушивший буржуазное государство, сохраняет частную собственность и допускает существование классов?

Ведь тот манифест говорит, что освобождение рабочего класса есть освобождение всего человечества, как же может быть речь о захвате власти, об установлении нового классового господства?—восставал Бакунин против Маркса.

Бакунин указывал, что существующее рабство проявляется в различных формах: в форме экономической, политической и духовной власти и точно также, как рабочий класс стремится не к захвату, а к уничтожению экономической власти, так он и стремится не к завоеванию, а к разрушению политической власти, как и всякой другой формы власти.

Итак, в вопросе о государственности в ее различных видах и проявлениях, в вопросе о парламентарной политической борьбе, рабочего законодательства, минимальных тре-

бований, реформизма, что, по мнению Бакунина, находится в противоречии с социальной революцией, и заключалось, главным образом, идейное разногласие между ним и Марксом. При этом я должен еще раз напомнить, что Бакунин защищал как раз те принципы, которые сами рабочие, основавши Первый Интернационал, провозгласили при его организации.

Как уже было сказано выше, идейная борьба между Марксом и Бакуниным, которая порою переходила на личную почву, привела в конце концов к разрушению Первого Интернационала. На его развалинах был построен новый, Второй Интернационал, марксистский, социал-демократический, в основание которого были положены принципы, выставленные Марксом, и из которого со временем совершенно изгнан был Бакунинский дух.

Какую работу совершил и к чему привел этот Второй Интернационал, мы знаем. В течение почти полвека он отвлекал рабочих всего мира от прямой борьбы за их освобождение; он отравлял их сознание, душил в них революционный дух и убивал в них самодеятельность и активность.

Вместо лозунга Первого Интернационала: "Освобождение рабочих — дело самих рабочих" он передал дело освобождения различным "представителям," депутатам, ходатаям и опекунам, которые в большинстве случаев оказались изменниками и предателями тех, которых они должны были защищать и освобождать. Вместо того, чтобы освобождать рабочий класс, они занимались защитой и укреплением его рабства. Наконец, ко времени мировой войны Второй Интернационал превратил лозунг Первого Интернационала "Пролетарии всех стран соединяйтесь" в лозунг: "Пролетарии всех стран убивайтесь, режьтесь, уничтожайтесь и истребляйте друг друга."

Тут только рабочие встрепенулись от этого интернационального кошмара... Вместе с тысячами и миллионами погибших "Второй Интернационал" также погиб...

Посмотрим теперь, как зародился Третий Интернационал и какова роль в нем была бакунизма и марксизма. Первым практическим шагом к созданию нового Третьего Интернационала является Российская Социальная Революция.

Каково же влияние идей и принципов Бакунина и Маркса в процессе Российской Социальной Революции?

Тем самым, что мы ее называем не политической, а социальной революцией, мы признаем торжество основного лозунга Бакунина. А называем мы ее социальной потому, что она выставила не политические лозунги, как, например, требования демократической республики, всевозможных политических свобод и прав, а экономически-политические, т. е. социальные лозунги, как уничтожение частной собственности, социализация земли и вообще введение социализма.

Между тем, каждому известно, что все марксисты, в том числе и большевики, во главе с Лениным и Троцким, до настоящей Российской Революции настаивали на том, что в России произойдет и должна произойти исключительно *политическая революция,* согласно своей теории, и что политическая революция должна *предшествовать* социальной.

Требования бакунистов об уничтожении частной собственности они рассматривали, как вредное, бессмысленное, а в лучшем случае, как утопичное; дальше требований демократической республики, Учредительного Собрания, которое они же разогнали, они не пошли.

Но чтобы не остаться в хвосте Социальной Революции, как это случилось с некоторыми, более "умные макрсисты" поддержали социальные лозунги российских трудящихся масс и таким образом стали во главе революции.

Затем, оказывается, что эта непредвиденная и отрицаемая марксистами социальная революция возникла как раз в отсталой экономически и в других отношениях некультурной России, в стране, где капитализм совершенно не развит, где пролетариата почти что нет, а тот, который имеется, слабо "организован." Возникла она впервые в "неподготовленной" России, а не в какой-либо крупной капиталистической стране с развитой индустрией, парламентаризмом, с политически организованным пролетариатом и другими необходимыми марксистскими предпосылками. Это означает не что иное, как банкротство идей и принципов Маркса.

Посмотрим теперь, каким образом происходила Российская Революция и как она складывается на первых порах: в духе ли Бакунина или Маркса? В первом акте Российской Социальной Революции были выдвинуты Советы Рабочих и Солдатских Депутатов, которые и закрепили победу Революции.

Чем были эти Советы вначале, пока марксисты не превратили их в "диктатуру пролетариата"? Они прежде всего были не политическими партийными центрами, не органами какой-либо политической партии, а беспартийными представительствами *труда.* Туда входили представители от различных профессиональных организаций, фабричных и заводских комитетов, кооперативов, а если входили партийные представители, то от *всех партий:* от большевиков, меньшевиков, социалистов-революционеров, анархистов и так далее.

Не составляя определенную политическую партию, советы не были организациями исключительно пролетариата, за каковые исключительно будто бы стояли марксисты; в Советы, кроме "пролетариев," входили крестьяне, солдаты и т. д.

Таким образом оправдалось не утверждение Маркса, что единственным провозгласителем и носителем Социальной Революции явится исключительно пролетариат, а утверждение Бакунина, что ее совершат трудящиеся массы, угнетенные и эксплоатируемые.

Будучи беспартийно-рабочими органами, Советы в главном процессе социального переворота были построены на автономно-федеративных (бакунинских) началах.

Решающим, доминирующим моментом Революции было разрушение старого централизованного правительства, что было совершено этими Советами, которые в это время были не централизованы, а децентрализованы, и в этой организованной децентрализации, автономии и заключалась их сила.

Кто следил за новостями и углублялся в революционную действительность того времени, мог заметить, до какой степени самостоятельно и независимо действовали Советы в борьбе с контр-революцией.

Ведь помимо крупных контр-революционных восстаний, происходило бесчисленное множество мелких антисоветских вспышек и, еслибы Советам приходилось ждать команды и приказов от центра, то навряд ли им удалось бы подавить их. Когда то там, то здесь вспыхивали контр-революционные движения, то местные Советы совершенно самостоятельно, по своему усмотрению боролись с ними и подавляли их. Порою так называемое "центральное правительство" даже не знало, что какое-то контр-революционное восстание поднялось и подавлено. Когда газеты писали, что известный город взят "большевиками" ("красными"), что они разбили, скажем, армию Семенова, то это не означало, что это сделано было под руководством московского правительства, что в этом принимали участие Ленин и Троцкий, нет: Советы совершенно самостоятельно и независимо защищали свою Рабочую Революцию.

Вот в этой самодеятельности, автономии, децентрализации и заключалась их сила, которой они победили на первых порах, как бюрократию, так и буржуазию. Таким образом они разрушили старый порядок, победили буржуазию, как революционные органы рабочих масс, не будучи еще организованы в централизованное "рабочее государство," не будучи еще "диктатурой пролетариата."

Если примененное ими насилие, а не власть над защитниками старого строя можно было назвать "диктатурой," то это была та "диктатура," которую Бакунин признал.

> "Являясь противником, — говорит он, — централизации, революционного государства, я вижу спасение единственно в революционной анархии, поддерживаемой невидимой коллективной силой, диктатуру которой я готов признать, так как она не идет вразрез с искренностью и полным развитием революционного движения. Для того, чтобы революция была жизненной, реальной и могущественной, нужно добровольное, без всяких принуждений, участие всех местных сил в революционном движении. Поклонники явной диктатуры требуют, уже после первого торжества революции, успокоения страстей, порядка, доверия и покорности вновь учрежденным властям. Таким образом государство воскресает.
>
> "Мы же должны добиться и анархии и, как невидимые рабы среди народной бури, должны действовать при помощи коллективной диктатуры всех; такую диктатуру без названия и без официальных прав, я признаю."

Не в этом ли духе действовали российские Советы, пока их не превратили в государственные исполнительные органы центрального "пролетарского" правительства? Не пошла ли Российская Социальная Революция по тому пути, — пока его не свернули наши "рабоче-государственные диктаторы," — по которому, как указывал Бакунин, должна пойти Социальная Революция? А именно: почти за год до Парижской Коммуны Бакунин предсказал ее и, не будучи уверенным в Париже ли, или где-либо в другом месте начнется революционное движение, он составил для нее программу:

> "Рабочие, соединившись в ассоциацию (поставьте Советы) и завладев орудиями, производством и фабриками, должны остаться вооруженными и распределенными по улицам и кварталам. Они будут составлять революционную федерацию всех кварталов. Эта федерация не

должна присваивать себе права организовать и управлять всей страной; она может лишь предложить остальным коммунам и всему миру следовать ее примеру и, посредством радикальной революции, разрушить государство, юридические права и **привиллегированную собственность.**

"Все коммуны образуют на федеративных началах коллективную организацию для обмена продуктами производства и услугами, базируясь на равенстве, которое в свою очередь является основой для всякой свободы."

Вместо того, чтобы Советы после уничтожения ими старого капиталистического государства взяли на себя контроль над всеми общественными учреждениями и дело организации массовой экспроприации всех средств производства, как исполнительные органы экономических, производственных организаций, т. е. фабрик, заводов, кооперативов и т. д., их превратили в политические, государственные учреждения.

Вместо того, чтобы стать федеративными комитетами, объединяющими автономные производительные коммуны, Советы под влиянием большевиков-"коммунистов" превратились в правительственные органы "рабочего" государства; Советы заняли место губернаторских канцелярий, которые проводили приказания и предписания высочайшего начальства. Вместо того, чтобы "Советы, как федерация трудовых коммун, рабочих организаций, объединенных с таковыми же других городов, образовали Всероссийскую Конфедерацию Труда, они под влиянием "научных коммунистов" (они себя не могут назвать безгосударственными коммунистами и прицепили ничего не значущий термин "научный") образовали Российскую Советскую Республику (государство).

Итак, точно так же, как Маркс поступил с Первым Интернационалом, так его современные ученики поступили с Первой Российской Социальной Революцией. Так же, как Маркс в Первом Интернационале вместо его рабочих, пролетарских, социальных лозунгов, защищенных М. А. Бакуниным, видвинул политические, государственные лозунги, так и его настоящие последователи основную цель Российской Социальной Революции, — уничтожение экономического и политического правительства — заменили стремлением к политической власти, господству, государственной диктатуре, что также сохраняет и экономическую власть.

Мы знаем, что произошло со Вторым Интернационалом, которым был заменен Первый, то же самое неизбежно должно было произойти с "временным," "рабочим" государством и диктатурой, которые стали на пути Социальной Революции — окончательного освобождения трудящихся масс от всех родов господства и подчинения.

Точно также, как рабочие обнаруживали все свои предыдущие ошибки и заблуждения, так в скором времени обнаружат они и свои последние ошибки и посредством третьей, последней, анархической, революции они провозгласят и осуществлят принципы и лозунги Бакунина, принципы безгосударственного коммунизма, при котором свободные личности объединены в свободных коммунах, связанных в вольных федерациях городов и стран всего мира.

М. Б—н

А то встретишь или цивилизованного, или простого малограмотного рабочего. Оба полны негодования против существующего порядка вещей. Цивилизованный рабочий не верит ни в Бога, ни в закон Его, но знает Маркса, Лассаля, следит за деятельностью Бебелей, Жоресов в парламентах и произносит прекрасные речи о несправедливости захвата орудий труда, передачи имущества по наследству и т. п. Необразованный же рабочий, хотя и не знает теорий и верит в троицу, искупление и т. п., но также возмущен против землевладельцев, капиталистов и считает неправильным всё существующее устройство. А дайте этим рабочим, ученому и неученому, возможность улучшить свое положение тем, чтобы, производя какие-либо предметы дешевле других, хотя бы это разоряло десятки, сотни, тысячи собратьев, или возможность поступить к капиталисту на должность, дающую ему большое жалованье, или купить землю и самому завести заведение с наемным трудом, — и 999 из тысячи, не задумываясь, сделают это и будут защищать свои земельные права или права нанимателей часто еще ретивее, чем прирожденные землевладельцы и капиталисты.

О том же, что их участие в убийстве, т. е. военной службе, или в податях, назначенных на содержание войск, есть поступок не только нравственно дурной, но и самый губительный для их собратьев и для них же, — тот самый, который создает основу их рабства, — об этом никто из них и не думает, и все или охотно дают подать на войско, или сами идут в солдаты, считая такой поступок совершенно естественным. Разве возможно, чтобы из таких людей сложилось общество иное, чем то, которое существует теперь?

Л. Н. Толстой.

ЖЕНЩИНЫ-РАБОТНИЦЫ В СССР

26 июня 1936 года советское правительство издало декрет, запрещающий аборты под страхом наказания тех, кто делает аборты, и тех, кому их делают. Выходу этого "исторического" акта предшествовала бешеная кампания. Советская власть, чтобы показать свою "народность" перед изданием декрета, хотела иметь мнение народа по этому вопросу. В газетах началось печатание статей и писем в редакцию, резолюций собраний в учреждениях, промышленных предприятиях, высших учебных заведениях и т. д. А так как вопрос абортов затрагивал социальный быт и материальное благосостояние советских граждан — рабочих, крестьян, служащих, учащихся высших учебных заведений, то в эту кампанию совершенно искренно включились все слои населения Советского Союза. Потом оказалось, что безобидное на первый взгляд аполитичное мероприятие вылилось в грандиозную демонстрацию населения против власти.

Студенчество, рабочие и служащие в подавляющем своем большинстве высказались за аборты; мотивом к этому нежеланию иметь детей была материальная необеспеченность, плохие жилищные условия, тяжелый труд (особенно женщин). Незначительная часть писем и резолюций общих собраний (а как эти резолюции проводятся, мы знаем) порочила аборты, как подрывающие мощь государства. И хотя вопрос запрещения абортов был решен в Кремле до открытия дискуссии, тем не менее было израсходовано порядочно бумаги и типографской краски на обсуждение его.

Декрет был обнародован. Сколько он принес русским людям горя, скажет потом история, но с несчастьем своих граждан советская власть меньше всего считается. Был создан соответствующий шум, вынесены "единогласные" резолюции, посланы приветствия "отцу" и "вождю" народов и благодарности за "мудрое" решение и "заботу."

Прошло восемь лет. За это время немало ушло преждевременно в могилу женщин, делавших себе вред, дабы избежать беременности. Толкала на это нужда. За это время и сам "мудрейший" превратился в набальзамированную тушу, выставленную на показ в Москве. Сколько проклятий получает почетный покойник от проходящих мимо зрителей! После него его ублюдки, лизавшие ему сапоги, успели дискредитировать его, отменив многие декреты. Очередным трюком кремлевской шайки явился декрет об отмене наказаний за аборты. В "Ведомостях Верховного Совета" от 17 августа 1954 г. читаем:

"Отменить уголовную ответственность в отношении беременных женщин, производящих себе аборт, сохранив уголовную ответственность лиц, производящих аборт или понуждающих женщин к абортам."

Иными словами, если беременная женщина гвоздем вызовет у себя кровотечение, то за это ей наказания не будет, несмотря на столь опасную для жизни "операцию." Другое дело, если эту операцию сделает врач в соответствующих гигиенических условиях, по всем правилам медицинской науки. Врачу — тюрьма. Спрашивается, кто же толкает женщину на поступок, ведущий на верную гибель, почти на самоубийство, и преступник ли врач, спасающий жизнь человеку? Ответ ясен: советское правительство толкает женщину на самоубийство, и преступник — правительство, а не врач.

Что же вынуждает женщину прибегать к "гвоздю"? (Я упоминаю слово "гвоздь," т. к. по словам моего друга врага-гинеколога, старшего врача клиники, большинство женщин, прибывающих в клинику с кровотечением, вызывают таковое простым железным гвоздем). Неприглядная жизнь женщины в Советском Союзе. Я имею в виду женщину трудящуюся, ибо паразиты — жены советских сановников — имеют жизнь другую и возможность избегать "гвоздя," делая тихо всё нужное дома в нормальных условиях со специально доверенным врачем.

Коснусь жизни женщины-работницы, протекавшей у меня на глазах в течение 16 лет моей работы на большом металлургическом заводе Советского Союза.

По своей специальности я руководил производством одного цеха, где из 780 рабочих 240 были женщины. Это не значит, что в цехе была какая-то легкая работа, нет. Советская власть уравняла права женщины и последняя получила право на... тяжелый труд. Советы, захлебываясь, рекламируют женщин-сталеваров, шахтеров. Мне ежедневно приходилось наблюдать, как женщины разгружают вагоны с рудой, углем, известняком и прочим сырьем. На разгрузку 20-тонного вагона дается норма двум рабочим — 4 часа.

Должен пояснить, что нормы на заводах Советского Союза высокие, установлены они путем хромометража работы самых сильных рабочих, имеющих звание стахановцев, и по этим нормам должны равняться остальные рабочие, в том числе и женщины. Таким образом 10 тонн или *шестьсот пудов* должна выбросить лопатой женщина за 4 часа; это значит, что в одну минуту она должна сделать не менее 4 бросков по 10 килограммов, а если считать и вес лопаты, то около 16 кило, т. е. около пуда. Это беспрерывно в течение 4 часов! Это "радостный, социалистический" труд!

Невыполняющие нормы не имеют процентной надбавки к заработной плате и получают голый тариф. Заработная плата в Советском Союзе построена по системе "прогрессивной сдельщины," т. е. чем больше (выше 100%) рабочий выполнит норм, тем больше он и заработает. Но чтобы выполнить эту норму (как пример, я привел разгрузку 20-тонного вагона в 4 часа 2 рабочими нужны нечеловеческие усилия. Ну, есть ли где на земном шаре другая страна, где бы так зверски эксплуатировался труд вообще и труд женщины в частности?

Мне приходилось бывать на заводах в Германии во время и после войны, на заводах Франции, но нигде даже намека на такую эксплуацию я не видел. Вы вообразите, какой вид имеет женщина после разгрузки вагона угля или руды, хотя бы не выполнив нормы! Вы думаете она отмоет в бане рудную или угольную пыль, въевшуюся в поры тела? Нет! Завтра эти поры получат новую порцию едкой пыли, как она не кутает свое тело в тряпье. Вообразите теперь, что женщина-работница (их около двух третей) имеет семью, — которая дома требует также работы. Надо ведь успеть, после работы на заводе, побывать в очередях и купить продуктов, надо приготовить поесть, надо прибрать, постирать, поштопать, починить, ведь дома столько неблагодарной, никогда не оканчивающейся работы! Надо присмотреть и за детьми. Когда же отдохнуть после такого "радостного" дня? А ведь ранним утром подъём, опоздаешь — под суд и тюрьма. Ну, не "радость" ли это?

Мне пришлось быть свидетелем, когда мастер, делая расстановку рабочих по работам, назначил одну работницу возить тачку с кирпичами. Женщина просила на этот день дать ей работу полегче, т. к. она не здорова, мастер ей отказал.

— У меня нет лишних людей, а если ты нездорова, иди к врачу.

Работница пошла на медицинский пункт к врачу. Врач-женщина в увольнении отказала, т. к. больная не имела *повышенной* температуры. Когда работница обратилась ко мне, как к начальнику производства, я пошел с ней к врачу.

— Вы ведь тоже женщина, — сказал я. — Вы должны лучше понимать её, чем я; дайте ей на день увольнение (сам я не имел права на увольнение по закону о прогулах).

— Да ведь у нее нет температуры и, если контрольный врач обнаружит её без температуры, — я иду в тюрьму за покрытие прогульника.

Пришлось мне лично "спрятать" работницу, дав ей особое поручение. А сколько таких случаев! Где же человечность?

Еще хуже положение беременных женщин. Раньше работница имела по беременности 2 месяца отпуска до родов и 2 месяца после родов, потом власть отменила это; она увидела, что балует народ. Открыв в печати кампанию и "внемля требованиям с мест," советское правительство ввело месячный отпуск до и после родов.

Положение матери-работницы нисколько не лучше. Ранним утром она должна подняться и с ребенком на руках поспешить в ясли, сдать его и скорее на работу. Это происходит в любую погоду, на любом расстоянии, при чем никакие обстоятельства не освобождают от тюрьмы мать при троекратном опоздании на работу или за прогул.

Предприятие по закону обязано освобождать на полчаса работницу для кормления ребенка грудью. Никогда за полчаса этого сделать нельзя, т. к. нужно пройти по заводу, выйти и хорошо, если ясли тут же у завода, а если дальше... Все делается бегом, на-спех. Для кормящей матери предусмотрена легкая работа, но беда в том, что завод не оплачивает эту работу нормальным заработком. Несколько таких матерей-работниц составляют бригаду, носящую презрительное название "бригада мамок." У меня в цехе бригада состояла из 12-15 человек, которые являлись накладным расходом, так сказать, баластом, эта группа получала заработную плату, но продукции не давала и неизбежное это явление не планировалось. Часто и мастера, да и мы, начальники, перед дирекцией заявляли:

— По списку рабочих много, а план выполнять не хватает.

Бедные женщины чувствовали, что они обуза цеху, обуза заводу, а следовательно,

обуза государству. Вспоминаются рассказы о труде женщин при крепостном праве, когда мать украдкой бегала кормить ребенка, упрятанного в снопах скошенного жита. Но ведь с тех пор прошло три четверти века, а существенной разницы фактически почти нет, хотя пропагандная шумиха коммунистов объявляет Советский Союз "раем." Пожаловаться за обиды работнице — некому. Есть, правда, женорг (женский организатор), но эта дама — ставленник компартии и блюдет интересы партии, а не работницы, как и профсоюзы.

Низкие заработки, высокие потогонные нормы не дают работнице возможности иметь красивое платье, обувь, хорошую прическу. Читатель, вероятно, видел снимки, с какой завистью русские рядовые женщины смотрят на хорошо со вкусом одетых иностранцев-экскурсантов.

Часто я теперь сравниваю (невольно), как одевается француженка, идя на работу: модные туфли, нейлоновые чулки, прекрасное платье или добротный, по ней сшитый, костюм, и несчастная наша женщина: какие-то башмаки, которых нет желания чистить, на босу ногу, в какой-то дерюге вместо юбки, а вместо блузки — потертый ватник (даже летом), на голове платок не первой свежести. То, что обычно здесь на западе, — недоступная роскошь для нашей подсоветской женщины.

Но наряду с таким убожеством и нищетой в Советском Союзе есть и шик: на главных улицах больших городов, в выставочных магазинах, в фешенабельных ресторанах, в театрах, на курортах можно видеть шикарно одетых дам, в дорогих мехах с бриллиантами и платьях последних заграничных фасонов. Это жены советских и партийных сановников, артистки, жены писателей и композиторов, это содержанки привиллегированного класса советской элиты. Вот их-то часто выставляют перед наивными иностранцами, по ним судят о быте женщины в СССР. Эта небольшая часть прекрасного пола нигде не работает, не знает, что такое нужда. Эти паразиты существовали до большевиков, но с той разницей, что прежние были уничтожены или вымерли, а вместо них созданы "пролетарские" бездельники, сидящие на шее рабочего класса.

Трудящаяся женщина приняла на себя тяготы войны. Это она дала своих мужей и сыновей, сложивших свои головы за Родину; это она, впрягаясь в плуг вместо лошадей, пахала землю; это она стояла сутками у станка на заводах; это она, не желая этого, спасла власть и всех паразитов от гибели. Немало их погибло и на поле брани. А сколько их, отторженных от мужей и детей, сослано в отдаленные края на каторжные работы в концлагеря! Сколько их сидит в тюрьмах!

Но придет час расплаты и он не далек. Не далеко то время, когда женщина-мать заплатит за все обиды, заплатит за своих сыновей, и горе будет вам, кремлевские тираны. Женщина-мать, женщина-труженница займет в стране свое почетное место, ибо она выстрадала право на это.

Инж. Ди-Пи *В. Т.*

Франция. Мозель.

МОСКОВСКИЕ ШПАРГАЛКИ

За время существования коммунистической партии Советского Союза (КПСС) у неё сложилось определенное презрительное отношение к нуждам народа, к его уму, к его способности мыслить. По мнению партийных вельмож, народ должен служить для их жутких экспериментов в качестве материала. Только Политбюро может предписывать народу, как вести себя, когда кричать "ура," когда выкрикивать лозунги, составленные ЦК компартии, когда "негодовать" против "врагов народа" и т .д. Одно лишь Политбюро определяет, что можно дать народу читать, а какой материал запретить.

На 12-м съезде комсомола, происходившем в конце марта 1954 г., было заявлено, что партия и впредь будет оберегать молодежь от "тлетворного влияния Запада." Тысячи партийных, комсомольских, пионерских и профсоюзных нянек оберегают народ от живой жизни, от запросов ума и сердца, загоняя его в клоаку большевистской политграмоты.

Давая иностранную информацию в своих газетах и по радио, большевистский Агитпроп всегда усиленно ссылается на общественное мнение Запада, на народную волю и т. п., подкрепляя их выдержками из газет или высказываниями членов парламента той или иной страны. У населения России, запертого за железным занавесом, в конце концов начинает закрадываться мысль о силе большевизма, о большой поддержке его всеми силами Запада, т. е. то, что именно и нужно советскому правительству.

Однако, не надо вооружаться микроскопом, чтобы разоблачить большевистскую

ложь на этом участке их "работы." "Авторитетность" их чаще всего базируется на следующих газетах: "Ди Вархайт," "Унита," "Аванти," "Юманите," "Асахи," "Дэйли Воркер" и другие комиздания. Но, громко заявляя, например, что голландская газета "Ди Вархайт" выражает мнение всего голландского народа, агитпропщики никогда не скажут, что эта газета — большевистская, что она всего на всего является филиалом московской "Правды," как и итальянская "Унита," французская "Юманите" и прочие комгазеты. Все московские шпаргалки в этих газетах выдаются за народное общественное мнение. Это и есть тот ядовитый туман, который годами стелется на просторах России, это есть то неуважение и презрение к народу, которое характеризует все действия КПСС.

Еще возмутительнее, когда большевистские пропагандисты ссылаются на газету "Естеррахише Цейтунг," называя ее австрийской газетой, будто бы отражающей интересы народа. На самом деле, эта газета является органом оккупационных войск советской армии в Австрии, т. е. в полном смысле советской, большевистской газетой. Но советскому населению об этом не говорят, пусть, мол, считают, что в этой газете действительно говорит австрийский народ!

Не менее усердно рекламируются также речи комдепутатов в парламентах различных стран, как левых политических деятелей, но всегда утаивается их партийная принадлежность, ибо так лучше создать впечатление об "огромной" поддержке большевизма. В австрийском парламенте, например, во время речи комдепутата все остальные депутаты, за исключением трех коммунистов, 1 консерватора и 1 независимца, покинули зал заседания. Такой факт "любви и поддержки" большевиков советские комагитаторы никогда не приводят, зато речь комдепутата в австрийском парламенте привели, умолчав однако, что эта речь была сказана перед пустыми стульями. Ложь и дезинформация стали составной частью всей большевистской системы.

Укажу еще на один факт: в СССР нигде не продаются иностранные газеты и журналы, не продаются даже комгазеты так называемых братских компартий — итальянской, французской и т. д. Очевидно кремлевские правители боятся показать их народу, ибо тогда не на что будет ссылаться в своей ложной информации. Это, во-первых, а во-вторых, все эти издаваемые в буржуазных странах "Юманите," "Унита" и пр. имеют слишком буржуазный и свободный вид в отличие от "Правды," имеют много снимков, торговых объявлений и пр., поэтому и запрещены для советского "самого свободного человека в мире."

Почти то же происходит с иностранными книгами и фильмами. Только Агитпроп выбирает, какую комагитку преподнести народу, что можно разрешить и что запретить. В большинстве случаев разрешаются лишь большевиствующие писатели, вроде Ховарда Фэста, Пабло Неруды и др., причем переводы зачастую свободны и всё неугодное изымается. Так оберегается народ России большевистскими няньками. *Федор Герасимов*

НЕУЖЕЛИ ЭТО ТАК НАДО?

За детьми одних, покуда мать лежит девять дней, ухаживает бабка, нянька, кормилица, за другими — никто не ухаживает, потому что некому, и сама мать встает тотчас же после родов, топит печку, доит корову и иногда стирает белье на себя, мужа и детей. Одни дети растут среди игрушек, забав и поучений, другие сначала ползают голыми брюхами через пороги, увечатся, съедаются свиньями, а с пяти лет начинают подневольно работать. Одних научают всей научной мудрости, приспособленной к детскому возрасту, других обучают матерным словам и диким суевериям. Одни влюбляются, заводят романы и потом женятся, когда уже изведали все удовольствия любви, других женят и отдают замуж, за кого нужно родителям, для помощи в работе. Одни едят и пьют самое лучшее и дорогое, что только есть на свете, другие едят один хлеб с квасом и то не вволю и не мягкий, чтобы не съесть лишнего. Одни, не пачкаясь, меняют тонкое белье каждый день, другие, постоянно работая чужую работу, меняют грубое, изодранное, вшивое белье в две недели раз, а то и вовсе не меняют, а носят его, пока распадется. Одни спят в чистых простынях, на пуховиках, другие — на земле, покрывшись рваными кафтанами.

Л. Н. Толстой.

Поступили в Редакцию

"НОВЫЙ ЖУРНАЛ" под редакцией М. М. Карповича, книга 40-ая. Художественная проза и стихи. Литература и Искусство. Воспоминания и документы. Политика и Культура. Библиография и другие отделы. Цена 2 д. Адрес редакции:

"THE NEW REVIEW"

223 W. 105 St., New York 25, N. Y.

ТУКЕР И ЕГО ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Бенджамин Р. Тукер родился 17 апреля 1854 г. в штате Массачузетс (недалеко от Нью Бедфорда) в довольно зажиточной семье. По определению родителей из подрастающего Бенни должен был выйти первокласный инженер, для чего он и был отдан в штатный технологический институт. В институте Тукеру, уже имевшему некоторое представление о либеральных идеях, случайно попало несколько брошюр и листовок, изданных Лигой Рабочих Реформ. В листовках говорилось, что летом 1872 г. Лига созывает свой съезд в Бостоне. Несмотря на то, что Тукеру только что исполнилось 18 лет и он еще не имел права принимать участия в некоторых гражданских актах, все же он решил обязательно побывать на съезде "реформаторов." Там он встретился с *Джошиа Уорреном и Вильямом Грином*... От них он узнал о существовании журнала *"Слово,"* в котором сотрудничали, помимо Уоррена и Грина, такие поборники свободной мысли, как *Эзра Хейвуд* (он же издатель журнала), *Дж. К. Ингаллс, Лисандер Спунер, С. П. Эндрюз* и другие. На страницах этого журнала молодой Тукер и сделал свой анархический дебют...

Бенджамин Р. Тукер

Летом 1874 г. Тукер по совету друзей предпринял путешествие по Европе, продолжавшееся около шести месяцев. Значительную часть своего пребывания во Франции он, зная французский язык, посвятил изучению трудов Прудона, как по печатным материалам, так и в рукописях. По возвращении из Европы Тукер занял в "Слове" должность заместителя редактора, которую он успешно выполнял около 18 месяцев. За это время в жизни Тукера произошли два события, заслуживающие того, чтобы их отметить: 1) Арест и тюремное заключение (кажется, единственное в жизни Тукера) за уклонение от платежа налогов (Тукер шел по стопам известного американского мыслителя *Генри Торо)* и 2) Перевод и издание на английском языке (при том — издание роскошное) "Что такое собственность?" Прудона.

В декабре 1876 г. Тукер, разошедшийся по некоторым вопросам с Хейвудом, оставил "Слово" и основал свой печатный орган — *"Радикальное Обозрение,"* в котором печатались, кроме уже известных соратников Тукера — Эндрюза, Спунера, Грина и Ингаллса, — *Элизе Реклю, Двайер Д. Лум, Генри Апплтон, Дж. Орвис* и др. "Радикальное Обозрение," успевшие познакомить своих читателей с отдельными главами из "Экономических противоречий" Прудона, просуществовало всего лишь 10 месяцев, как в это время был арестован и посажен в тюрьму редактор "Слова" Эзра Хейвуд. Друзья Тукера, учитывая, что за "Словом" уже числился известный стаж, посоветовали Тукеру приостановить выпуск "Радикального Обозрения" и всецело взять на себя редактирование "Слова." Тукер так и сделал. "Слово" он редактировал до конца 1878 г. После вторичного ухода из "Слова," редактирование которого опять перешло в руки вышедшего из тюрьмы Хейвуда, Тукер начал сотрудничать в некоторых бостонских газетах, полагая, что таким путем он сможет популяризовать свои идеи. (Он также довольно продолжительное время сотрудничал в радикальном органе с религиозным оттенком — *"Путеводитель,"* издававшемся талантливой женщиной — Френцис Аббот). Вскорости Тукер убедился, что буржуазные газеты — не для его идей. Там можно было свободно говорить только о том, что не противоречило буржуазной идеологии. Вместе с тем Тукеру показалось, что "Слово" начало отклоняться от анархизма, и что такие столпы, как Хейвуд и Эндрюз, заколебались в некоторых вопросах. Все это, вместе взятое, способствовало тому, что 6-го августа 1881 года появился первый номер "Либерти" — печатный орган, оставивший заметный след в анархическом движении в Америке.

1881 г. протекал под раскатами событий, эхом несшихся с берегов Невы,—как результат убийства Александра II. Тукер был всецело на стороне "первомартовцев." Портрет Софии Перовской, некоторое время не сходил с первой страницы "Либерти." Когда в Соединенных Штатах создался комитет по сбору средств в пользу русских политических эмигрантов в Париже, — Тукер возглавил бостонский отдел этого комитета. И это

в то самое время, когда Тукер всецело и бесповоротно осудил убийство, имевшее место в том же году, президента Соединенных Штатов — Гарфильда и когда он вообще был против террора. (Интересно, что на такой же точке зрения стоял и Центральный Комитет Народной Воли — фактический вершитель судьбы Александра II).

Вскорости в одном из номеров "Либерти" на первой странице появился портрет Бакунина и биографический очерк, занявший целую страницу, а затем и труд Бакунина "Бог и Государство" был переведен с французского языка на английский и напечатан сначала в "Либерти," а потом отдельной книжкой. "Бог и Государство," кажется, шесть раз Тукер переиздавал. С первых же номеров на страницах "Либерти" начали появляться статьи Лисандра Спунера, прославившегося впоследствии своими отчетами о Чикагской Драме, Дж. Ингаллса, эксперта по земельной реформе, Сиднея Морса — старого друга Уоррена; Хейвуд и Эндрюз тоже помогали новому изданию. Вскорости же в число постоянных сотрудников вошли: Аллан и Джон Келли, Джеймс Вокер, Джо Лабади, Хэнри Апплтон (впоследствии соредактор "Либерти"), Дж. Свен и др.

В 1885 году состав сотрудников обновился Гертрудой Келли, Г. Фовлером, Эдвардом Фултоном, Дваером Д. Лумом (офицер амер. армии, ставший анархистом), Алфредом Веструком и Виктором Ярошем — Yarros. Ярош родился в России. Преследуемый правительством за революционные убеждения, он юношей бежал в Соединенные Штаты, где вскорости примкнул к анархистам, — сначала к анархо-коммунистам, а потом к анархо-индивидуалистам. Ярош очень много писал для "Либерти." По яркости и блеску стиля он не уступал Тукеру. Его специальность — социология. Он считался одним из лучших толкователей Спенсера, из учения которого он делал анархические выводы. Впоследствии Ярош отошел от анархизма. Затем к "Либерти" примкнула так называемая "Аграрная группа," во главе с Дж. Ллойдом, М. Е. Лазарусом, Эдвином Вокером и Вильямом Хансоном. Из более молодых следует отметить: Г. Шума, Джона Биверли Робинзона (толстовец), Е. Симпсона, Г. Кона, С. Баингтона, Вильяма Бэйли, Кларенса Шварца, Сарру Холмс, Вольтерину де Клэйр, Оливию Шрайнер, А. Вагнера, В. Оуэна, Генри Була, Вильяма Витика, Теодора Шрейдера и многих других. Число сотрудников "Либерти" иногда доходило до 60 человек. Все это были люди высоко одаренные, интеллектуально развитые, с широкими либеральными взглядами. Многие из них имели университетское образование; были тут адвокаты, учителя и профессиональные журналисты. Некоторые из них, кроме сотрудничания в "Либерти," издавали свои печатные органы. ("Люцифер" в Канзасе, "Век Мысли" в Айова, "Набат" в Чикаго, "Маяк" в Калифорнии, "Грядущая Эра" в Техасе, "Эгоист" в Сан Франциско, "Справедливость" в Мизури, "Воспламенитель" в Орегоне, "Солнце" в Канзас Сити, "Свободомыслящий" в Боффало, "Искатель Правды" в Нью Иорке и др.). Не все они и не всегда соглашались с Тукером. На страницах "Либерти" часто возникали дискуссии, как между Тукером и кем-либо из его сотрудников, так и между самими сотрудниками. Не все эти дискуссии давали благие плоды. Часто споры переходили на мелочи, на личные придирки. Случались расколы, заявления о выходе из состава сотрудников и т. д. Даже Апплтон, игравший некоторое время первую скрипку в оркестре Тукера, ушел из "Либерти" после одного из таких споров.

Отдел заграничных корреспонденций возглавлялся Бернардом Шоу, Джоном Макаем, итальянским драматургом Вилфредо Парето. Помимо оригинальных статей, страницы "Либерти" часто украшались перепечатками из лучших произведений иностранных писателей. Золя, Ибсен, Гюго, Толстой и др. доходили до американского читателя благодаря "Либерти." Роман Чернышевского "Что делать?" впервые на английском языке появился на страницах "Либерти." Роман был полностью перепечатан. Отрывки из трудов Герцена и Писарева тоже перепечатывались... Когда почмейстер Дж. Ванамейкер запретил в 1890 г. пересылку по почте "Крейцерову Сонату" Толстого, "Либерти" повела такую энергичную кампанию против этого постановления, что спрос на "Крейцерову Сонату" во всех книжных магазинах превзошел все ожидания. Аналогичная же история произошла с поэмой Уитмана "Листья травы," попавшей под действие пресловутого закона Комстока.

Наивысшего расцвета "Либерти" достигла в конце 80 годов прошлого столетия. Объясняется это особенностями американского быта того времени. Здесь мы, несмотря на отрицательное отношение к марксистскому толкованию истории, должны согласиться, что каждая идея несет на себе печать своего времени. Наше время, например, можно на-

звать временем сексуализма. Никогда разврат так не процветал, как теперь. (В газетах как-то промелькнуло сообщение, что значительный процент увольняемых с государственной службы чиновников — гомосексуалисты. Печать сексуализма заметна на всех современных общественных течениях, в том числе и на анархизме. Для некоторых анархистов Фрейд стал важнее Кропоткина). В 80 годах прош. столетия доминирующей идеей был индивидуализм в буржуазном толковании. Вера в чудеса личной инициативы не подлежала сомнению. Сказочный рост промышленности подтверждал это. Чуть ли не сверхестественное появление разных индустриальных королей — железно-дорожных, стальных, угольных, лесных и т. п. — свидетельствовало о неисчерпаемых возможностях личной инициативы. Наряду с расцветом промышленного индивидуализма должен был расцвесть индивидуализм и в области мышления. И он расцвел в лице Тукера и его единомышленников.

Населению Соединенных Штатов всегда было свойственно стремление *от центра, а не к центру*. Эту психологическую особенность подчеркнул еще Джefферсон своим отрицательным отношением к сильной центральной власти. Подобно тому, как на ветках розы одновременно рдеют яркие цветы и выступают острые шипы, так и в американской действительности одновременно появился яд и живительный напиток. Но розы цветут недолго — всего лишь несколько недель, шипы же остаются всегда — зимою и летом. Это и дает ключ к пониманию, почему "Либерти" давно отцвела, а капитализм продолжает до сих пор существовать. Государственный аппарат одинаково нежелателен, как индустриальному, так и философскому индивидуализму. Но индустриальный индивидуализм отрицает лишь то государство, которое выступает в роли повелителя и распорядителя, но не то, которое выполняет функции сторожевого пса. Философский же индивидуализм отрицает всякое государство. Философский индивидуализм не нуждается в сторожевых псах. Тукер, конечно, — анархист. Он отрицал государственную власть. Но его анархизм не похож на тот анархизм, который зародился и вырос на европейской почве. В доктрине Тукера нет ничего от трэд-юнионизма (синдикализм), нет общинного быта крестьян (коммунизм), нет даже той отвлеченной и гордой личности, на которой Штирнер построил свое учение. (Говорят, что Тукер начал излагать свои индивидуалистические взгляды задолго до того, как он познакомился с произведениями Штирнера). Личность Тукера не отвлеченная, а реальная, можно даже сказать—"бизнессменская." В основе учения Тукера лежат чисто деловые операции — финансовый мир. Тукеру казалось, что стоит только открыть беспроцентные кредитные общества — и нынешнему капиталистическому строю придет конец. Капиталисты окажутся без рабочих, ибо последние, получив беспроцентную ссуду в банке Тукера, начнут открывать свои собственные дела, в которых полный продукт труда будет гарантирован, а государство окажется без солдат и чиновников, ибо из-за отсутствия источника доходов — податей (Тукер был против налогов) не будет средств для оплаты солдат и чиновников. Таким образом, все зло тихо и мирно исчезнет. Применение насилия Тукеру казалось совершенно излишним. Зачем драться, если можно мирным путем переключиться на рельсы счастливой жизни. Этим же самым Тукер как бы застраховывал себя от ударов со стороны власти: разве можно арестовывать тех людей, которые, никого не трогая, начинают спокойно жить по-анархически? Утопия эта — не исключительно Тукеровская. Она была свойственна многим мыслителям прошлого столетия, в том числе и Марксу. Маркс тоже полагал, что капитализм в ходе исторического развития создает своего собственного могильщика — пролетариат. Последний, мол, выкопает глубокую яму, в которую все капиталисты полетят вверх тормашками. На подобной точке зрения стоят некоторые синдикалисты и почти все реформаторы, полагающие, что в оболочке старого можно создать ячейки будущего общества. Всем этим мечтателям капиталисты представляются Иванушками-дурачками, спокойно сидящими и невозмутимо взирающими на то, что рядом с ними, у самых их ног, роется для них могила. В действительности, конечно, ничего подобного нет. Капиталисты показали, что они умеют во-время обезоружить своих "могильщиков."

Под конец жизни Тукер все это сам признал, но в результате этого признания он, кроме глубокого пессимизма, к сожалению, ничем себя не проявил. (См. письма Тукера к С. Баингтону, Кларенсу Шварцу, Джо Лабади и др.). Но вернемся к 80 годам прошлого столетия. Мы уже сказали, что на страницах "Либерти" часто возникали споры. Можно добавить, что всевозможные споры и аргу-

менты являлись как бы насущной потребностью этого печатного органа. "Либерти" вела успешные атаки во всех направлениях. Беспощадному словесному артеллерийскому огню подвергались, как государство, так и монополисты, как светская, так и духовная власть. Камня на камне не оставалось от государственного социализма, а также от той реформы, которую предлагал Генри Джордж. К сожалению, Тукер иногда заходил слишком далеко, награждая своих противников эпитетами, которых они не всегда заслуживали. Эту тактику он применял и к своим идейным противникам. Случалось иногда, что главной мишенью служил не капиталистической строй, а... Иоганн Мост и его газета. Правда, последний тоже не оставался в долгу: он вел против Тукера такие же яростные атаки, какие Тукер вел против него. Такие слова, как "изменник," "предатель," "цирковый клоун," "диктатор" — сыпались как с одной, так и с другой стороны. Все это создавало тягостное впечатление в рядах безвластников. В это время разразилась кровавая Чикагская Драма, в связи с которой был арестован и Иоганн Мост. (Мост потом был освобожден). Тукер оказался в затруднительном положении: с одной стороны — нельзя не встать на защиту арестованных анархистов, с другой — арестованные обвинялись в применении насилия, а он, Тукер, против насилия; с одной стороны — нельзя не требовать освобождения Моста, с другой — Мост его идейный противник. Тукер избрал нечто среднее... Он доказывал (и вполне основательно), что арестованные не совершили того преступления, в котором они обвиняются, поэтому должны быть освобожденны. Но... если бы анархисты, в самом деле, вздумали прибегнуть к насилию, то это, по мнению Тукера, была бы глупость. Еще большую неопределенность Тукер выразил после покушения Александра Беркмана на стального короля Г. Фрика. Мы не выражаем соболезнования жертве (Фрику), писал он, но и не кричим ура герою (Беркману). Допускал Тукер иногда приемы, ничем не объяснимые с анархической точки зрения: напр., поддержка некоторых кандидатов во время выборов. (И это в то время, когда Тукер только себя считал настоящим анархистом).

Все это привело к тому, что "Либерти" оказалась цветком весьма ярким, но недолговечным. Впрочим, по сравнению с другими анархистическими органами слово "недолговечность" к "Либерти" не подходит. Этот печатный орган просуществовал почти 27 лет, хотя последние выпуски "Либерти" никак нельзя сравнить с первыми. В них не было прежнего пафоса, не было божественного огня... Да и в выходе очередных номеров все чаще и чаще стали повторяться перебои. ("Либерти" с самого начала выходила еженедельно, потом один раз в две недели, потом — раз в месяц, потом — периодически). Закат "Либерти" падает на то время, когда ее руководителями, помимо Тукера, являлись такие одаренные лица, как Аллан Келли, Генри Апплтон и Виктор Ярош, когда статьи и корреспонденции поступали из всех уголков Соединенных Штатов. Брошенное по адресу Тукера и его единомышленников обвинение в том, что они — "бостонские анархисты," т. е. что их влияние не выходит за пределы Бостона, где первоначально издавалась "Либерти," опровергалось содержанием "Либерти." Значительная часть статей писалась не только за пределами Бостона, но и за пределами штатов Новой Англии. Материалы поступали из всех концов США. Присылались статьи из больших городов и из глухих местностей, куда некоторые сторонники лозунга "назад к природе" уходили из шумных индустриальных центров. Юг, север, восток и запад одинаково были представлены на страницах "Либерти." В некоторых частях страны (в Мизури и Колорадо, например) даже было создано нечто вроде специальных отделений. Все это свидетельствует, что брошенное Тукером семя упало на добрую землю, дало хорошие всходы, но всходы эти, прежде чем дать плоды, начали чахнуть, быть может, по недосмотру самого сеятеля. Если бы Тукер относился сдержанее к другим анархистам, если бы он вместо полемики больше уделял внимания теоретическим вопросам, — кто знает, быть может, судьба "Либерти" была бы совсем иная — более удачна и более прекрасна. Возможно также, что тот пессимизм и даже страх за судьбу человечества, который Тукер выразил в последние годы своей жизни в письмах к друзьям, уже владел им еще тогда, когда он издавал "Либерти." Косвенным подтвеждением этого может быть то, что под конец издания "Либерти," перенесенного уже в Нью Иорк, Тукер поступил на службу в один технический журнал, которому он, повидимому, больше уделял внимания, чем своему собственному изданию. Но тут возникает новое недоразумение: как мог Тукер, инженер по образованию, убояться техники и предать анафеме не только меха-

низацию в производстве, но и механизацию в способах передвижения — автомобили, аэропланы и т. п? Вообще жизнь и деятельность Тукера переплетены парадоксами. Если допустимы сравнения, то Тукера можно сравнить с теперешним председателем юниона углекопов Дж. Луисом. Конечная цель Луиса — улучшение положения шахтеров — конечно, хорошая, но для достижения этой благой цели он иногда применяет недостойные ей приемы. Точно также поступал иногда и Тукер. Его конечной целью был анархизм, но для осуществления этой цели он допускал приемы, не всегда совпадающие с анархизмом. Но несомненной заслугой Тукера является то, что он внес в учение анархизма особую разновидность (своеобразный индивидуализм), быть может, не совсем ясную, но все же довольно заметную.

Мы уже отметили, что некоторые критики называли учение Тукера "бостонским анархизмом." Это не верно, но если это определение расширить до пределов "американского анархизма," то это будет недалеко от истины. То, что создал Тукер, возможно было только в Америке. Начал строить свое здание Тукер на основе, заложенной Прудоном (мючализм), а крышу возвел по чертежам Штирнера (эгоизм). И в результате — ни Прудон, ни Штирнер. Получилось что-то особое, чисто американское. Даже толстовство (пассивное сопротивление) у Тукера играет заметную роль. Объясняется это, как уже отмечено выше, исключительной особенностью американского быта того времени. Наличие огромных пространств незанятых земель, неограниченные возможности в области производства (создание новых индустрий) — всего этого, казалось Тукеру, достаточно для того, чтобы при желании осуществить анархизм. Не нужно ни восстаний, ни захватов, ни революции... Достаточно создать свои собственные деловые предприятия (такие, какие создают капиталисты, только не ради наживы), и эти предприятия приведут в царство Анархии. Теперь мы знаем, что все это—неосуществимые мечты, но в 80-х годах XIX столетия люди могли серьезно думать об этом. Ведь то все еще было продолжение создания "Гармоний" Роберта Оуэна и "Икарий" Кобэ.

Природа наградила Тукера долголетием. Он прожил на свете свыше 85 лет. Если бы вся его жизнь была заполнена такой же интенсивной деятельностью, какую он проявил в 80-е и 90-е годы XIX столетия, то нет сомнений, что та ветвь анархизма, которую Тукер представлял, разрослась бы значительно шире. Но Тукер кипел недолго, если принять во внимание всю его жизнь. Больше чем одну треть своей жизни он прожил во Франции в полном молчании. Лишь изредка письмами к своим старым друзьям да письмами в редакцию некоторых периодических изданий он давал знать о себе. Письма эти свидетельствуют, что Тукер до конца своих дней оставался анархистом. Идейно он был непоколебим, но в вопросах тактики допускал некоторые перемены. Уже не было в нем веры в возможность простого, бесперебойного перехода из царства капитализма в царство свободы. На будущее он смотрел не с верой, а со страхом... (Возможно, что тут сказалась Шпенглеровская эпоха с ее разными "закатами"). "Монстер" (чудовище) "ждет нас впереди" — писал он в 1930 году своему другу К. Шварцу. Прародителями "монстера" Тукер считал чрезмерное увлечение техникой и погоню за материальными благами. (С этой точки зрения большевики и капиталисты оказываются в одном лагере, ибо те и другие увлекаются техникой). Можно надеяться, что опасения Тукера не оправдаются. В конце концов ведь все зависит от воли человека. Технические усовершенствования могут быть использованы не только в отрицательном, но и в положительном смысле.

В письмах к друзьям Тукер неоднократно намекал, что он намерен написать свои воспоминания. Намерения эти, насколько известно, не сбылись. Это большой пробел. Тукеру было о чем вспомнить, было что рассказать... Он встречался, соприкасался и сталкивался (больше всего — сталкивался) со многими весьма выдающимися личностями. Один из его друзей как-то в шутку заметил, что президент из Белого Дома руководит полицейскими силами страны, а Тукер из редакции "Либерти" руководит интеллектуальными силами. В этой шутке была доля правды. Вокруг "Либерти" группировалась значительная часть американской элиты; на ее страницах высказывались самые различные мнения, но руководил всем этим хором Тукер. "Либерти," как замечает Р. Рокер, не расчитывала на массового читателя. Она издавалась в интересах лиц, интеллектуальный уровень которых был выше среднего. Возможно, что это тоже способствовало преждевременному отцветанию "Либерти." (Официальной версией закрытия "Либерти" считается пожар, уничтоживший в 1908 г. помещение, где газета печаталась. Размер

потери усугублялся тем, что имущество не было застраховано). У представителей элиты есть нечто от метеора: ярко заблестит, а затем — сойдет с горизонта. Не оказался исключением из этого и Тукер...

Трудно сказать, что побудило Тукера стать анархистом. Известно лишь, что в 14 лет он уже читал Дарвина, Спенсера, Милля, Гексли и Тиндаля. Известно также, что он не пропускал ни одной лекции Венделля Филлипса, В. Гаррисона, Анны Дикинсон, Ралфа Валдо Эмерсона и др. Под влиянием читанного и слышанного Тукер, повидимому, и ощутил потребность в свободе личности. Когда он в 1872 г. встретился с Уорреном, то малейшей искорки было достаточно для того, чтобы в его душе возгорелось пламя антигосударственника.

Всякое "анти" у Тукера — относительно. Отрицая государство, он в то же время был не прочь применить некоторые чисто государственнические приемы. (Наказание, тюрьмы и даже смертная казнь). Отрицая капитализм, он оставлял некоторые чисто капиталистические методы для ведения хозяйства. Отрицая милитаризм, он в военное время находил возможным поддерживать одну из воюющих сторон. Единственно, где "анти" Тукера доходило до логического конца, — в области религии. Здесь Тукер не шел на компромиссы. Как атеист, он равняется Бакунину, несмотря на полное отсутствие в нем бунтарского духа.

Если говорить о Тукере исключительно как о теоретике анархизма, то можно придти к выводам, не весьма утешительным. С анархической точки зрения в учении Тукера не мало спорного. Но дело в том, что значение Тукера не исчерпывается одним лишь изложением анархического учения. Значение его заключается в том, что он свидетельствует, что принцип свободы личности, если его правильно понимать, неизбежно ведет к анархизму, а не к хищническому буржуазному строю. Буржуазия извратила этот принцип, превратила его в какой-то кошмар, вследствие чего анархистам приходится иногда глотать горькие пилюли. Приписывание анархистам мелко-буржуазной идеологии, если это понимать в свете современного капиталистического строя, конечно, абсурд. Но если на это взглянуть с точки зрения свободы личности, то доля правды, несомненно, тут окажется. И буржуазия, и анархисты — за свободу личности. Исходная точка одна, но результаты прямо противоположные. В то время, как анархическая свободная личность признает такую же свободу за другими личностями, буржуазная свободная личность признает свободу только для себя. Хулители анархизма, конечно, об этом не говорят. Они пользуются только тем случаем, что анархисты, как и буржуазия, за свободную инициативу, следовательно, они — одного поля ягоды. Тукер как раз и разрушает подобное легкомыслие. Основывая свои доводы на том же фундаменте, что и буржуазия, он приходит к диаметрально противоположным выводам. Краеугольным камнем аргументации Тукера являются следующие два положения: 1) равенство в свободе и 2) полный продукт труда. Этим исключается всякая возможность зарождения капитализма в обществе, основанном по принципам Тукера. Где признано и соблюдается правило, гарантирующее полный продукт труда, там капитализм немыслим. Во-первых, никто не может пользоваться чужим трудом, во-вторых, личный труд, хотя бы и вознаграждаемый полным продуктом, не принесет миллионного состояния (да оно и не нужно). Если бы Рокфеллер получал только продукт своего труда, он миллиардером никогда не стал бы. Стать миллионером можно лишь путем присвоения чужого труда.

Значение Тукера велико также в том смысле, что он сочетал американские традиции с анархизмом. Стремление к свободе — фундаментальная особенность американского быта, о чем лучше всего свидетельствует Декларация Независимости. Люди, бежавшие за океан от преследований, не желали видеть здесь новых преследований. Собственно говоря, освобождение от Англии воодушевлялось не столько тем, чтобы создать новое государство, сколько тем, чтобы зажить свободной и независимой жизнью. Эта скрытая антигосударственная черта присуща была даже некоторым лицам, занимавшим самые высокие посты в государстве. В словах Джефферсона: "Наилучшая власть та, которая наименьше властвует" — таятся зародыши анархизма. Рокер даже в образе Линкольна готов видеть анархиста.

Принято думать, что все американские анархисты — индивидуалисты, а европейские — коммунисты или же синдикалисты. Это не верно. В Америке было не мало анархистов, не разделявших взглядов Тукера, и тем не менее обосновывавших анархизм на американских традициях. Наиболее характерной личностью в этом отношении была Вольтерина де Клэйр, о которой на этих страницах уже немного говорилось. Были и

другие интересные личности, о которых нам еще придется сказать когда-нибудь несколько слов.

Если уверенность Тукера в возможность преодоления капитализма путем создания своих деловых предпринятий (проще говоря, путем кооперации) оказалось утопией, то его другая уверенность в то, что не количество, а качество играет доминирующую роль, — до сих пор остается в силе. Удельный вес того или иного общественного движения определяется не только численностью его состава, но и интеллектуальным уровнем его последователей. Чем выше интеллектуальный уровень, тем сильнее движение, даже при небольшом членском составе. Отсюда сама собой рождается потребность в личном усовершенствовании — основной тезис мировоззрения Тукера, — в переходе с одной ступени на другую.

Прошло почти 50 лет с тех пор, как Тукер, отложив перо, замолчал (после 1908 г. он почти ничего не написал, несмотря на то, что после этого прожил еще 31 год*;. Многое изменилось за это время. Капитализм теперь не тот, и государство не такое. Изменилась социальная структура. Появился новый класс — технократы, перепугавшие Бен. Тукера. Значительно возросла та часть буржуазии, которая контролирует Волл Стрит, банки. Народилось целое сословие, которого во дни деятельности Тукера, кажется, никто не предвидел. Вследствие чрезмерного роста всевозможных азартных игр и ставок на "счастье," а также вследствие расцвета кутежей и разврата, образовались настоящие трёсты, контролирующие всевозможные притоны и игорные заведения. Прежнее деление общества на два класса — теперь устарело. Значительную часть нынешнего населения нельзя отнести ни к классу буржуазии, ни к классу рабочих. В большинстве случаев эти люди в культурном отношении — самые отсталые. Многие лица, стоящие во главе рэкетирских предприятий, с трудом подписывают свое имя, но тем не менее они руководят огромными делами и к их голосу иногда прислушиваются даже губернаторы, прокуроры, судьи и т. д. (Не редки случаи, когда рэкетиры и гэнгстеры во время выборов проводят своих ставленников на самые высокие должности). Распутины, хотя и без рясы, продолжают задавать тон...

Вследствие всего этого, тем более ощущается потребность в таких людях, как Тукер. Несмотря на то, что с анархической точки зрения во взглядах Тукера много странного и непонятного, но тем не менее то, что говорил Тукер, — отдушина в современной затхлой атмосфере. Как счастливы те, кто жил в эпоху, когда говорил Тукер, и как обездоленны, живущие в эпоху, когда Тукеров нет!..

Тукер-журналист нисколько не похож на Тукера-человека. Как журналист, Тукер напоминал льва, как человек — голубя. В разговорах с собеседниками Тукер никогда не проявлял вспылчивости или раздражительности. Это был учтивый, тактичный и весьма интересный собеседник. "Пират с крыльями херувима" — как отозвался о Тукере один газетный репортер.

Автономов

* Тукер умер 2 июня 1939 г. в Монако.

Воззвание Фонда Беркмана

Уважаемые товарищи! В течение прошлого года мир был озабочен игрой т. н. "со-существования," которое является главной темой дня радиокоментаторов и газет во всех частях света. Предполагается, что под угрозой атомной и водородной бомб правительства всех стран будут вынуждены принять лозунг "со-существования," как бы неприятно ни было для них это положение. Только в борьбе против свободы правительства находят общую почву и объединяются, чтобы прямо или косвенно преследовать тех, которые отважно борются за человеческое достоинство и свободу.

Большевисткая диктатура попрежнему жестоко и бесчеловечно подавляет всякое проявление свободы в России и в странах-спутницах. Фашистское правительство Испании с помощью катол. церкви и финансовой поддержки США, дающей жизнь Франко, продолжает преследовать и убивать всех тех, кто осмелится поднять голос протеста или принять активное участие в борьбе с силами фашизма. Всему миру известно, что ежедневно в Испании идет борьба против фашизма и что тюрьмы Испании переполнены отважными борцами за свободу.

Во всех странах мира мы находим политических заключенных, которые нуждаются в помощи и которым мы помогаем. Как и в прошлые годы, мы обращаемся к вам за финансовой поддержкой, что даст нам возможность, хоть отчасти, удовлетворить просьбы о помощи борцам за свободу. Все пожертвования направляйте по адресу:

A. BERKMAN AID FUND
2422 N. Halsted St.
Chicago 14, Ill.

Председатель **И. Абрамс**
Секретарь **Б. Еленский**

ЧИТАЙТЕ И РАСПРОСТРАНЯЙТЕ ДЕЛО ТРУДА-ПРОБУЖДЕНИЕ

КРОПОТКИН, ЭЛИЗЕ РЕКЛЮ И ЖАН ГРАВ О КООПЕРАЦИИ

В бытность мою студентом Женевского Университета, а это было в 1895 году, посещая Русский Клуб, я прослушал лекцию, которую прочитал студент медицинского факультета Александр *Атабекьян* о Петре Алексеевиче *Кропоткине,* сочинения которого он начал тогда переводить на армянский язык. Я недавно узнал о том, что А. Атабекьян умер в ссылке в Сибири. Я не вполне согласился с содержанием этой лекции и даже возражал, ибо был под влиянием Льва Николаевича *Толстого* — противником всякого насильственного внедрения нового социального строя. Однако, я не ограничился только этой лекцией, а перешел к чтению сочинений П. А. Кропоткина на разных языках, и мне особенно понравились следующие его три сочинения: "Взаимопомощь, как фактор эволюции," "Поля, фабрики и мастерские" и "Этика."

В первой из этих книг Кропоткин, в противовес классовой борьбе Карла Маркса, отводит главное место закону взаимопомощи, которая распространена, как среди животных, так среди людей. Во второй же книге Кропоткин отводит важное место по сравнению с капиталистическими фабриками, земледелию и ремеслу, и даже предлагает индустриальной Англии заняться у себя на родине хлебопашеством, ибо привоз хлеба из-за границы удорожает этот хлеб больше чем он стоил бы при производстве у себя на родине.

В то время Кропоткин не был еще кооператором, но уже положил ее основы, а затем в 1917 году, вернувшись в Москву, он был избран председателем большого Потребительского Кооператива в Москве. Еще несколько раньше он опровергал трудовую теорию Маркса аргументами французского кооператора Шарля ЖИДА, утверждая, что ценность товаров реализуется не производителями, а потребителями. Конечно, и с материалистическим пониманием истории он не соглашался, ибо всегда был в теории и на практике идеалистом, что особенно ярко выразилось в его сочинении "К молодым людям."

Естественно, что, вернувшись вместе почти со всей русской эмиграцией в Москву в начале 1917 года, он вскоре разочаровался в большевизме, — да он им и не был очарован, — как противник всякого принудительного строя, но уже было поздно возвращаться опять в Англию, и он умер в начале 1921 года и похоронен в Москве.

Судьба свела меня и с другим единомышленником и другом П. А. Кропоткина, знаменитым географом и этнографом Элизе РЕКЛЮ, лекции которого я слушал в Брюссельском Университете. Элизэ Реклю был родом француз и написал очень известное многотомное сочинение "Всемирная География." Кроме того, он был необычайным человеком, ибо был вегетарианцем, не пил и не курил. Кроме занятий географией, он интересовался и кооперацией и даже стал сотрудником первого французского кооперативного журнала "Ассосиасион," который в 1867 году был заменен журналом "Кооперасион."

Будучи революционером, он, однако, не ограничивался верой в полезность изменения только внешних форм, а придавал еще большее значение, как Кропоткин и Толстой, внутреннему улучшению человеческого характера. Он признавал, что всякая революция может быть успешной только в том случае, когда она подготовлена соответственной эволюцией: "Преобразование должно совершиться в голове и сердце человека, прежде чем вылиться в соответствующий акт."

Реклю предсказывал, что при государственном социализме эксплуатация трудящихся не уничтожится, эсклуатируемые лишь переменят эксплуататоров. Он представлял себе будущий социалистический строй не в виде централистического всевластного государства, в руках которого будет сосредоточено все производство и распределение, но в виде автономных производительно-потребительных кооперативов, объединенных между собою в федерации, на основании свободы и взаимных договоров.

> "Поток истории, — говорил Реклю, — с ее периодическими революциями похож на реку, запруженную время от времени плотинками. Каждое правительство, каждая победившая партия стремится в свою очередь запрудить этот поток, чтобы использовать его силу возможно более для своей мельницы. Этого закона не может избежать и всякая социалистическая партия, сделавшаяся правительством, ибо это закон природы власти."

В заключение Реклю утверждает, что "полная гармония в жизни нашей планеты не установится до тех пор, пока люди не соединятся в одну обширную семью. Чтобы сделаться истинно прекрасной, земля, как любящая мать, ждет той минуты, когда ее

дети обнимутся по-братски и заключат между собою великий союз свободных народов."

Жан ГРАВ был последним из лично знакомых мне мыслителей, противников "государства-левиафана," употребляя выражение старого английского философа Гобса: левиафан означает мифическое всепоглощающее чудовище. Я посетил его в Париже на улице Муффетар, в старом доме, где он жил на чердаке, наполненном горшками цветов, как оранжерее. В этом Грав подражал французскому реформатору Шарлю Фурье. Он тоже оказался кооператором, в доказательство чего мы приводим следующую цитату:

"Потребительские кооперативы с их широко распространенными торговыми связями и миллионами членов могут быть с большой пользой использованы для новой организации распределения продуктов после революции, ибо они смогут взять в свои руки большие капиталистические организации и приспособить их для выполнения новых функций и требований. Производственные кооперативы также могут быть полезными в деле организации производства."

Жан Грав считал также весьма полезным учреждение сельско-хозяйственных колоний, несмотря на их неудачи, происшедшие главным образом от несогласия между членами.

На этом я заканчиваю свою заметку о выдающихся социальных реформаторах, не пренебрегавших кооперацией, опустив только одного Макса Нетлау, который высказался даже против забастовок рабочих в своем замечательном сочинении: "Взаимная ответственность и солидарность."

Проф. В. Тотомианц.

К 80-ЛЕТИЮ ТОТОМИАНЦА

Вахан Фомич Тотомианц родился в Астрахани 3 февраля 1875 г., в семье директора армянской прогимназии. По окончании астраханской гимназии, молодой Вахан Фомич выехал заграницу, где слушал лекции по экономическим и социальным наукам в университетах Швейцарии, Германии и Бельгии. Первый диплом доктора социальных наук он получил в Брюссельском университете в 1898 году.

По возвращении в Россию, в С.-Петербург, он занялся писательской деятельностью, а затем в 1910 г. сдал при Харьковском университете экзамен на степень магистра политической экономии. тогда же он начал чтение лекций по кооперации и политической экономии в Московском университете и Коммерческом институте, где автор этих строк и познакомился с проф. Тотомианцем. В 1915 г. он защитил при Киевском университете диссертацию на тему: "Участие в прибыли и копартнершип" и получил звание доктора политической экономии и статистики.

Его ученые труды статьи в сборниках и периодических изданиях по политической экономии и особенно по вопросам теории и практики кооперации — бесконечны.

Достаточно указать на его труды, как "История экономичских и социальных учений," переведен на шесть иностранных языков; "Сельскохозяйственная кооперация," напечатанная 4-м изданием в Москве в 1918 году; "Кооперация в русской деревне," "Мощь кооперации" — пятое издание, "Кооперативная хрестоматия," Прага, 1923 г., переведена на 3 иностранных языка, и т. д.

В России его научная и общественная деятельность и работы по теории и практике кооперации достигли большого расцвета. Однако, прожив под советской властью несколько лет, принужден был в 1922 году покинуть Советский Союз вместе с тремя стами ученых, профессоров, общественных и политических деятелей.

Сперва Берлин, потом Прага, где он скоро сделался создателем и профессором Кооперативного Института, а в 1925 г., по приглашению Высшей коммерческой школы в Берлине, читал лекции по кооперации и еженедельно ездил в Берлин.

В 1932 г. по приглашению болгарских друзей-кооператоров и Софийского университета В. Ф. Тотомианц переехал в Софию и там читал лекции и работал по организации кооперативов в сельском хозяйстве, потребитльской кооперации и Народного банка.

Но наступила Вторая мировая война. Болгария попала в орбиту Гитлера и Муссолини и явилась врагом России, Франции, Англии. Это был страшный удар для 65-летнего профессора. Страдая болезнью глаз, он стал терять зрение, слепнуть, но продолжал работать...

Окончилась Вторая мировая война поражением Болгарии. Старому профессору удалось из Софии переехать в Рим, затем в Париж, где он и проживает до последних дней с женой и сыном. Его попытки переехать в США не увенчались успехом.

Проф. Тотомианц — это гранитный фундамент кооперативной мысли и движения; он апостол кооперации. Нет ни одной страны, ни одного государства в мире, где бы

кооперация, артельное и общественное начало в производстве и потреблении не приветствовалось бы, а мысли о братстве и взаимопомощи не проводились в жизнь. И нет ни одного кооператива в мире, который бы не знал имени проф. Тотомианца.

От всей души пожелаем проф. В. Ф. Тотомианцу здоровья и бодрости духа на закате жизни, зная, что его идея кооперации не умрет, а будет проводиться в жизнь среди народов. Это залог благосостояния всех народов явится большим утешением для профессора и составит нерукотворный памятник нашему соотечественнику. Многая лета!

М. Т. Зароченцев

КООПЕРАТИВНАЯ ОБЩИНА "МАКЕДОНИЯ"

Находится она в северо-восточной части штата Джорджия, в уезде Хэбершэм, близ местечка Кларксвиль. Имущество общины состоит из 1000 акров леса, из коих около 200 акров очищено под огороды и пастбища для скота. Община получает доход от продажи молока и молочных продуктов, строевого леса и детских игрушек, вырабатываемых в древообделочной мастерской общины.

Община не связана ни с политическими партиями, ни религиозными верованиями. Члены общины озабочены развитием благосостояния не только общины, но и ближайших соседей, чтобы показать этим путь к вольной жизни, основанной на любви и правде в мире, раздираемом на части враждой, подозрением и страхом.

Кооперативная община ставит в основание следующие задачи и цели: установить и поддерживать такой образ жизни, который способствует жить в братстве со всеми людьми, согласно убеждению, что всякий человек следует правде и любит ближнего своего, как самого себя.

Для осуществления этих целей на практике члены общины, будучи во всех отношениях честными и справедливыми друг к другу и ко всем людям, а также и лица, разделяющие эти убеждения и работающие для распространения их среди всех людей и достижения материального благополучия, принятые, как гости, желающие стать членами общины, принимаются в общину на равных правах, вне зависимости от расы, вероисповедания, пола и национальности, но члены общины отказываются от личной собственности и ни при каких обстоятельствах не должны принимать участие в насилии против какой бы то ни было личности. По мере возможности община дает детям и вообще всем лицам, находящимся в нужде, духовное ободрение, необходимые предметы к жизни, общее образование и общественно-трудовое воспитание.

Коопративная община не имеет никаких акций, организована она не с целью наживы или получения прибылей. Члены общины занимаются полезным трудом в соответствии с ее целями, поддерживают друг друга и иждевенцев в скромном стандарте жизни и оказывают помощь тем, которым члены общины решают помочь.

Имущество и доходы общины употребляются исключительно на повышение стандарта жизни и на расширение ее целей; ни один из ее членов не получает никакой прибыли, процентов или дивидентов, но община предоставляет всем членам и их иждивенцам полное содержание, каковое дается и гостям или желающим вступить в члены общины.

В случае выхода из общины — добровольно или вследствие исключения — выбивший не имеет никакого права на ее имущество. В случае роспуска или ликвидации общины — никакая часть ее имущества не может перейти ни одному из членов: после удовлетворения всех обязательств оставшееся имущество должно быть передано родственной организации или организациям.

Члены общины и их иждивенцы, получая полное содержание в пределах ее достижений, обслуживаются с теплотой и вниманием, но это обслуживание и содержание ни в каком смысле не считается вознаграждением за работу в общине или за оказанные ей услуги. В общем члены дают общине по своим способностям и получают по потребностям — полное довольство для себя и иждивенцев в пределах благосостояния общины.

Ни в какой мере община не участвует в попытках влиять на законодательство.

Община вступает в деловые связи и ведет разнообразные дела для честного добывания средств к жизни, занимаясь земледелием, выделкой полезных товаров или специальным обслуживанием. При этом община руководствуется следующими принципами: производимые ею продукты и товары, а также обслуживание, как и их качество, должны соответствовать насущным нуждам

потребителей или служить для улучшения их здоровья, благополучия и просвещения. Цены на продукты-товары и обслуживание не должны превышать разумной средней стоимости. Руководители общины не должны разрушать земельные и другие естественные рессурсы. Где только возможно, община вступает в непосредственные связи с потребителями.

Община может покупать и продавать движимое и недвижимое имущество с целью создать гармоничное соотношение между землей, водой, растениями, животными и людьми; при продаже цена не должна быть больше, чем вложенные затраты. Община может инвестировать свои средства, давать или получать взаймы деньги, но без процентов, а где возможно, — избегать денежных трансакций. Община может получать пожертвования в любой форме имущества — непосредственно от дарителей или по завещанию, — если подаренные предметы соответствуют целям и принципам общины.

В основном члены общины занимаются земледелием для удовлетворения собственных потребностей. Они очистили около 200 акров земли под пастбища и огороды, имеют три десятка дойных коров и древообделочную мастерскую, где производят детские игрушки, главным образом кубики, употребляемые в школах в качестве пособия.

Община была организована тремя семьями. Ныне состоит она из 17-ти семейств, в большинстве молодых, и 5-ти одиноких членов, всего — 53 человека в возрасте от 2 до 77 лет. Община имеет общую денежную кассу и кладовую, из которых члены ее получают деньги и припасы, когда они в них нуждаются.

Члены общины составляют смету расходов, как это делает любая семья, и придерживаются этой сметы. Употребление наличных денег доведено до минимума, но деньги всегда имеются в ящике конторы. Закупки продовольствия и предметов потребления — общие. Раз в неделю один из членов отправляется в город и покупает всё необходимое по оптовым ценам; он же выполняет личные поручения членов, как покупка мелких вещей, особых пище-продуктов и т. д. Эта система не приводит к каким-либо разладам между членами. На собраниях общины еще не было ни одного голосования, ибо все решения принимаются с общего согласия. Адрес общины:

MACEDONIA CO-OP COMMUNITY
Clarksville, Georgia.

МОЙ ОТВЕТ А. ШИМАЙТЕ

Тов. Шимайте, возражая на мою статью "Самоопределение народов," полагает, что я — сын великого народа, не знающего, что такое национальный гнет. Предположение не верно. По происхождению я являюсь сыном небольшого народа, населяющего верховья Днепра и берега Немана, но по убеждениям я, действительно, сын великого народа, — всего человечества. Правильнее сказать, той части человечества, которая борется за правду и справедливость. Чувство национального угнетения мне, конечно, понятно, но еще больше мне понятно чувство угнетения в обще-человеческом понимании. Будет ли угнетать мой сородич, скажем, китайца, или же китаец моего сородича, — как в одном, так и в другом случае я должен осудить угнетателя и встать на защиту угнетаемого. Иного решения тут быть не может.

На доказательства пагубности опеки больших народов над малыми мне, пожалуй, не следовало бы отвечать, ибо в своей статье я никакой опеки не оправдывал, наоборот, я заявлял, что каждый народ — большой он или малый — имеет право на самостоятельное существование. Но т. Шимайте, отрицая опеку, неожиданно приходит к выводу, что "творческой интеллигенции и народным массам лучше живется в своих национальных единицах, чем под опекой великих держав." Последнее обстоятельство заставляет сказать несколько слов не в защиту опеки, конечно, а по поводу утверждения, что в национальных единицах лучше живется.

Если бы было так, как пишет т. Шимайте, то американскому правительству не приходилось бы держать усиленную стражу на мексиканской границе, вся работа которой (стражи) заключается в недопущении мексиканских рабочих в США. Мексиканские рабочие давным-давно имеют свою национальную единицу, однако при первой же возможности они оставляют эту "единицу" и пускаются в чужую страну. Сам факт зарождения, роста и расцвета США не согласуется с доводами т. Шимайте. Страна эта своим могуществом и богатством обязана именно тем, кто оставил свою национальную единицу.

С точки зрения преимуществ национальной единицы никак непонятно, почему русские бегут от Маленкова и Ко. Понятно

бегство татар, литовцев и других народностей, но непонятно бегство русских. У них ведь национальная единица—да еще какая! —могучая, сильная. И тем не менее, как только представится случай — прощай могучая "единица"! Стало быть, дело не в национальной единице, а в тех порядках, какими эта единица обставлена. Если порядки и условия жизни хороши, хороша и единица, если же порядки плохие, — плоха и единица.

Можно согласиться, что некоторые наши товарищи после переселения в Израиль почувствовали себя людьми, а не евреями (хотя совсем непонятно, почему нельзя чувствовать себя евреем). Но, повидимому, не обошлось тут без некоторого компромисса. Трудно поверить, чтобы правительство Израиля смотрело на анархистов не так, как смотрят правительства других стран.

А. Беркман и Э. Гольдман родились в России, но значительную часть жизни прожили в Соединенных Штатах. Нигде они не жалуются на отношение к ним как евреям. Американские власти относились к Беркману и Гольдман так же, как и к другим анархистам. Не жалуется и А. Эйнштейн на отношение к нему как еврею. Не жалуются на это ни Юджин Лайонс, ни Макс Истман, ни группа меньшевиков, издающая в Соединенных Штатах свой журнал. Все они чувствуют себя людьми, приверженцами той или иной социальной доктрины.

Хотелось ли бы мне слышать русскую речь? Это зависит от того, какая речь. Если будут петь "Боже, царя храни," то такая русская речь меня не интересует. Не интересует меня также русская речь, которая несется из кабака, или которой прославляют Ленина и Сталина. Но если зазвенит та речь, которая была присуща Толстому, Тургеневу, Герцену, Кропоткину и Бакунину, то само собой понятно, что такую русскую речь интересно и желательно послушать. Словом, дело не в речи, а в том, что она выражает.

О культуре. Культура, как и правила арифметики или наука вообще, — одна, но ее проявления могут быть разные. Культура может быть выражена в разных видах, разными способами и на разных языках, но сама суть культуры от этого нисколько не меняется. Чувство утоления голода остается все тем же, независимо от того, какой пищей мы голод утоляем.

Говоря о культуре, следует различать два момента: момент творчества и момент восприятия. Создание культурных ценностей всецело зависит от природных дарований (гений, где бы он ни родился, будет гением), восприятие же зависит от того, на какой ступени культурной лестницы мы находимся. Для дикаря девятая симфония Бетховена, повидимому, ничего не означает (как для петуха жемчужное зерно), но для культурного человека, независимо от его национальной принадлежности, она — великое наслаждение. Кажущееся географическое деление культуры — результат того, что люди в своем большинстве еще не выросли из национальных пеленок. Но они вырастут, время сделает свое. Настанет день, когда образ Беатриче будет понятен и дорог каждому.

Колокольцев

Злоупотребления и взяточничество

Сенатская комиссия, производящая расследование злоупотреблений и взяточничества в Федеральной Жилищной Арминистрации, установила, что бывший помощник главы этой администрации — Поуэлл за 10 лет своего руководства внес на свой счет в банк на 138,000 дол. больше, чем общая сумма его окладов, составляющая за 10 лет 75,000 долларов.

Приказом министра юстиции Броунелла образован специальный комитет, потому что ежедневно обнаруживаются все новые случаи злоупотребления и двум-трем чиновникам министерства юстиции не под силу привлечь виновных к судебной ответственности. Комитет будет тесно сотрудничать с федеральным грэнд джюри, расследующим скандалы в жилищной администрации. По сведениям, исходящим из сенатской банковской комиссии, к судебной ответственности будут привлечены до 500 человек, причастных к злоупотреблениям и взяточничеству.

Солнечная Флорида зовет Вас навестить

Live Oak Farm, Inc.

ORANGE HOME

Route 1, Box 123

WILDWOOD FLORIDA

Tel. Wildwood 3571

ПАМЯТИ УМЕРШИХ

СПИРИДОН СЛЕПОВ

27 июня 1954 г. умер в Бериссо, Аргентина, Спиридон Слепов, уроженец с. Слободы, Киевской губ. Родился он в 1885 г., приехал в Аргентину в 1911 г., а в 1915 г. прибыл в Бериссо, где и работал на мясозаготовительных заводах.

В 1915 году открылась в Бериссо рабочая библиотека. В ее организации принимал живое участие и Спиридон Слепов. Спустя год, была организована рабочая группа, которая присоединилась потом к Союзу Русских Рабочих. Затем начала расширяться культурная самодеятельность русских рабочих: была устроена детская школа, организован кооператив, образовались любительские кружки. Все это требовало дружной работы и средств. Спиридон принимал горячее участие в организациях и жертвовал деньги на содержание школы и на издание газет и журналов, несмотря на расходы по содержанию своей семьи. Будучи большим любителем драматического искусства, он принимал участие в спектаклях, выполняя те или иные роли.

Когда во время духовного подъема в 1918-1920 годах мы читали нарасхват "Американские Известия" и "Волну," т. Слепов говорил: "Хорошо работают наши хлопцы в Северной Америке." Тогда все мы жили высокой напряженной жизнью.

После разгрома наших Союзов, спустя нескольких лет, из сотен членов осталась лишь малая группа подлинных безвластников. Правда, многие умерли, но большинство перешло в стан большевизма, став ренегатами. Их ренегатство с очевидной ясностью доказывает, какие людишки вертелись возле безвластников.

В самый критический момент для рабочего дела, когда реакция захлестнула всю страну, Спиридон взял на себя распространение журнала "Дело Труда-Пробуждение." Покойный т. Слепов был непримиримым врагом большевизма, который причинил народам России и соседних стран столько бедствий, ужасов и горя. Находясь на смертном одре, т. Слепов говорил: "Смерти я не боюсь, но жалко, что не увижу уничтожения крепостного большевистского права в России."

Мир праху твоему, дорогой товарищ!

Г. Вдовычук

ЮЛИАН Л. СТАРЧЕВИЧ

Скоропостижно умер 13 сентября 1954 г. Юлиан Лазаревич Старчевич, проживавший последние годы в Кортланде, Н. И. Родился он в 1890 году в с. Лукашевке, Киевской губ. В 13 лет он остался сиротой при матери и сестре. Через несколько лет женился в надежде, что этим улучшит свое положение. Но оказалось еще хуже. Не видя выхода из нищеты, он вынужден был выехать в 1913 г. в Америку, провожаемый плачем матери.

Ю. Л. Старчевич

Юлиан думал, что через пару лет вернется назад в Россию с заработанными средствами и поможет своим родным улучшить жизнь. Но мечты остались мечтами. Вспыхнула Первая мировая война, затем революция в России, потом большевистская контр-революция и запрещение въезда в Россию ее подлинным сынам. Закрыв границы, большевики не дали возможности русским людям вернуться на родину и помочь восставшему народу строить вольную жизнь. Таким образом, вследствие комиссарского произвола, Юлиан, как и тысячи других русских, вынужден был остаться в Америке до конца своей жизни.

В 1918 г. родственники уведомили Юлиана, что его жена вышла замуж за другого, а мать и сестра умерли от голода. Юлиан затосковал... В 1920 г. я встретилась с Юлианом и через 3 мес. мы женились.

Юлиан работал в стальной индустии и подорвал свое здоровье: на работе он был три раза ранен. Он думал поработать до 65 лет и пойти на пенсию, но и это не удалось.

По своему характеру Юлиан был необычайно добр, миролюбив и отзывчив. Нравственно он стоял высоко: за всю свою жизнь он никого не обидел и не оскорбил, хотя другие, пользуясь его мягкостью, оскорбляли его.

О, как тяжело пережить потерю верного друга!.. Страна, где мы родились, велика и обильна, а вот вынуждены жить и умереть на чужбыне...

Прости, мой дорогой муж и друг Юлиан! Пусть будет тебе земля пухом. С любовью буду помнить тебя вечно.

Парасковья А. Старчевич

О. В. КАЙДАНОВА-БЕРВИ

На 88-м году жизни тихо скончалась 2-го января 1955 г. в университетском городе Кингстоне в провинции Онтарио в Канаде замечательная русская женщина — ОЛЬГА ВЛАДИМИРОВНА КАЙДАНОВА-БЕРВИ, общественная работница, посвятившая всю свою сознательную жизнь делу народного просвещения.

О. В. Кайданова в молодости

Родилась она 15-го апреля 1867 г. в Тифлисе, на Кавказе, где после окончания Тифлисской женской гимназии сразу же включилась в работу народного образования, отдавая все свое время и энергию педагогической деятельности, работая учительницей в воскресных школах и на вечерних курсах или организуя библиотеки и кружки самообразования. Таким образом она насаждала грамотность в гуще русского народа, составляла буквари и учебники, писала в журналах, участвовала в учительских съездах.

В 1900 г. Ольга Владимировна вышла замуж за профессора математики Николая Вас. Берви, и они переехали в Москву, где их поджидала беда: через два года муж заболел психическим расстройством, его поместили в лечебницу, где вскоре он умер, а О. В. осталась одна с двумя детьми. Для нее начались суровые испытания, но она отважно боролась и продолжала свою общественную деятельность, участвуя в "Кружке Свободного Воспитания" вместе с последователями и сотрудниками Л. Н. Толстого.

В 1905 году Ольга Владимировна едет в Сибирь и много лет работает там учительницей. После Октябрьского переворота она опять вернулась в Москву, где в 1925 г. ее дочь окончила Московский университет по математическому факультету, вскоре уехала в Канаду и вышла замуж за русского профессора. В 1929 г. О. В. получила звание "героя народного образования" и премию за составленный ею букварь для детей и взрослых. При содействии вдовы Ленина—Крупской она получила разрешение на выезд в Канаду к своей дочери.

Ольга Владимировна прожила в Кингстоне около 25 лет, занимаясь литературной деятельностью. Все эти 25 лет она продолжала работать в области народного просвещения, написала много статей в канадских и русских журналах и газетах и оставила капитальный труд в трех томах большого формата под названием *"Очерки по истории народного образования в России и СССР."*

До последних дней своей жизни О. В., несмотря на преклонный возраст, сохранила юношескую активность, бодрость духа и высокую этичность в борьбе за свободу и справедливость для всех. Она верила в добрые начала человека и в пользу народного просвещения, побеждающего тьму, верила в братство народов и в лучшее будущее человечества, для которого самоотвржено работала.

Мир праху твоему, труженица-просветительница, и вечная память. *Друг.*

ИВАН М. ПОЛЮБАНСКИЙ

На 67 году жизни умер в Филаделфии 11 июня 1954 года И. М. Полюбанский, родившийся в г. Заславе, Волынской губ., и приехавший в Америку 24-летним молодым человеком. Его смерть была неожиданной и легкой. Ехал он в банк, куда предложил подвезти его на автомобиле внучатый племянник; не проехали они и двух кварталов, как И. М. вдруг склонился и затих... Испуганный племянник поспешно доставил его в ближайший госпиталь, но было уже поздно: Иван Мартинович был мертв. Так закончилась жизнь честного русского труженика в Америке.

По своим политическим убеждениям покойный И. М. Полюбанский примыкал к безвластному движению, принципами которого он руководствовался в повседневной жизни. Он откликался на всякие человеческие нужды и всегда поддерживал журнал морально и материально. Состоял он членом Прогрессивного Землячества и 7 отдела РООВА, был также долголетним руководителем Драматического Кружка. Как страстный любитель драматического искусства, он был душой Кружка, которому отдавал свой досуг. Под его режиссерством были поставлены десятки пьес, служил он искусству бескорыстно. В то же время, как хорошо развитый передовой человек, он был подлинным культуртрегером среди русской колонии в Филаделфии. Вдобавок И. М. Полюбанский был добрым и отзывчивым человеком. Всё вместе создало ему популярность и он пользовался заслуженным уважением.

Похоронили И. М. Полюбанского 15 июня на Окландском кладбище в Филаделфии. На гроб покойного было возложено много вен-

ков от друзей и организаций. В похоронной процессии, сопровождавшей тело покойного И. М. к месту последнего упокоения, участвовало свыше 30 автомобилей.

Ушел в небытие еще один товарищ. Память о нем всегда будет жить в сердцах тех, кто его знал. Мы же, живущие, будем продолжать дело борьбы за свободу, равенство и братство, за светлое будущее человечества. *Земляк Я. Т.*

Библиография

СОВЕТСКАЯ ШКОЛА*

Новая книга Иды и Николая Лазаревичей "Советская школа — Начальное и Среднее Образование" представляет очень большой интерес. Французская печать её встретила восторженно. Иначе и быть не могло, ибо это документ большой ценности, опирающийся исключительно на советские источники. Надо порадоваться огромному труду, затраченному авторами на чтение советской педагогической периодики и педагогичних книг советских авторов.

Кратко остановившись на истории образования до Революции, на роли Земств в деле народного просвещения и образования, авторы переходят к 1917 году и кончают свою работу 1953 годом.

Прежде всего авторов интересует правда и только правда и результат 36-летней педагогической работы в СССР, а не красивые широковещательные программы и слова.

Не обошли авторы и школ для рабочей и крестьянской молодежи, которая работает на земле, на фабриках, в больницах, бюро, шахтах. Очень широко стал примененным труд подростков во время Второй мировой войны.

Пишущая эти строки вспоминает, как после освобождения в лагерь явился советский представитель, увешенный орденами, и перед собравшимися лагерщиками стал хвалиться, что Россия победила под "мудрым водительством," когда даже дети "добровольно" работали по 16 часов в сутки. По программе же полагается 36 раб. часов в неделю для молодежи, 6 часов на учебу и 4 часа на беседы.

Очень жуткая глава о детских домах для беспризорников. Как в калейдоскопе проходит Первая мировая война, революция, гражданская война, ужасный голод на Волге и Украине в двадцатых годах (см. статью т. Максимова в "ДТП"), затем новый массовый наплыв беспризорных — детей "раскулаченных" и детей "врагов народа." Этих несчастных травили не только физически, но и морально. Вторая мировая война дала исключительно огромное количество беспризорных.

Обязательное всеобщее обучение и ликвидация неграмотности. Чего же лучше? Но как обстоит слово с делом?

Огромная, тяжелая государственная машина со своими циркулярами, декретами из центра и даже арестами подавляет инициативу населения, рвущегося к знанию, просвещению, помощи бездомным детям.

Второе — бедность страны. Нет достаточного количества подготовленных учителей, нет достаточного количества школьных зданий, нет учебников, нет школьных пособий, как географические карты, глобусы и т. п. Учебники с большим трудом доходят до деревень. Правда, они часто заменяются полит-беседой. С самых малых лет из них стараются воспитать горячих патриотов комродины. В школах II ступени учебники часто заменяет такая книга-проститутка, как "Краткий Курс ВКП(б)." Всякий проклинает, кому пришлось учиться и сдавать экзамены по этой книге. Эта книга отпечатана в таком количестве экземпляров, что и правнукам еще достанется.

Тысячи и тысячи детей школьного возраста остаются вне школы. В последние годы, возьмем из книги только четыре местности огромной России, мы видим, что в маленьких местечках в школу не пошло 1500+3000+4000+4500 детей. Почему? Нет одежды, нет обуви, плохие дороги, а до школы 7-8 километров. На реках нет мостов. Перевозка детей в школу организована из рук вон плохо. Большинство детей деревень и маленьких городов с трудом кончают 4 класса. Те, которые посещают школу с перебоями, очень слабы в чтении, письме, географии, истории.

В учебных заведениях по подготовке учительского персонала 1/3 времени уделяется на педагогические науки, а 2/3 на изучение марксизма-ленинизма.

Учителя работают 54 часа в неделю. Нет времени ни для чтения педагогических новинок, ни для отдыха, ни для личной жизни, ибо надо поправлять тетради, а главное — отвечать на циркуляры, писать отчеты, статистику. Несмотря на это, от учителей требуют вечерней работы. При таком положении жалобы учителей понятны. Нет свободных профессиональных союзов, которые бы встали на их защиту.

Вторая ступень обучения уже не бесплатная, но платная. Раздаются голоса, что надо прекратить преподавание иностранных языков, а заменить их утилитарными предметами.

Поневоле хочется уйти в воспоминания. В 1938 году прочла глубоко-человеческую книгу "Моя семья" (автора не помню), как одна бездетная семья старого русского инженера усыновила 5 детей-сирот. Оба эти интеллегента знали иностранные языки, а вот своих приемных детей не могли уже обучить ни одному иностранному языку.

Страна великих писателей и мыслителей задыхается в адском кругу марксизма-ленинизма, декретов, террористической диктатуры. Надо вернуть свободу мысли стране, дабы она поднялась на подобающую ей культурную высоту. Надо отказаться от глупой мании "догнать и перегнать," которая истощает и детей, и учителей, и не дает возможности получить ни настоящего образования, ни просвещения. Обо всем этом ярко рассказывает книга Лазаревичей.

А. Шимайте

---

* I. et N. Lazarévitch: L'ECOLE SOVIETIQUE. (Enseignements Primaire et Secondaire). Préface de Pierre Pascal, Professeur á le Sorbonne. Paris, Les Iles D'Or. 1954. 209 pp.

Эмиграция Царская и и Сталинская

МОНТРЕАЛ, Канада. — Всем еще памятна царская белая эмиграция. Это была, так сказать, буржуазная и аристократическая эмиграция. Правда, большевики изгнали из России всех своих идейных противников, т. е. анархистов, социалистов-революционеров, социал-демократов (меньшевиков) и других, но главная масса белой эмиграции состояла из буржуазного класса и боролась за старый капиталистический строй. Надо правду сказать, царская эмиграция принесла русской колонии в Америке не мало пользы: многие из белогвардейцев учили в школах, читали лекции и всячески старались передать свои знания русским рабочим. В Монтреале, например, один из активных товарищей (я называю его товарищем потому, что он достоин этого звания) по имени Животников принес русским колонистам много пользы. Заслуживают похвалы и многие другие, которые потрудились на благо русской колонии в Америке.

Белые эмигранты потеряли в России свои богатства и привилегии, но несмотря на это они передавали свои знания русским рабочим в Америке, они старались слиться со старой русской колонией, хотя и знали, что последняя была рада падению царского режима и стояла за углубление Русской Революции. Были, конечно, среди белогвардейцев и люди гордые, не желавшие иметь никакого общения с плебеями. В семье не без урода.

Но вот приехала к нам новая так называемая красная или сталинская эмиграция, которая совсем не похожа на белую эмиграцию. Оказалось, что сталинские молодцы напрасно прокричали все уши, что в России ликвидирована безграмотность: сталинская эмиграция такая же безграмотная, как и царско-крестьянская, если не хуже; она еле-еле нацарапает свое имя. А попробуйте поговорить с новыми красными эмигрантами — они всё знают, чуть ли не каждый из них — профессор... Хвастунишки большие. Предложи им почитать книгу, они говорят, что "мы политикой не занимаемся." Вот тут-то и дыра: они не знают, что такое политика и за это незнание им и нам приходится скитаться по чужим странам. Они были в беде, голоде и холоде, но сталинская нагайка, тюрьма и концлагери ничему их не научили.

Обращаюсь к вам, новые сталинские эмигранты: вас привезли сюда в хорошее время, дали вам работу с хорошей оплатой, но не думайте, что вы уже поймали бога за бороду. Вы еще зелены и не знаете, что американский капитал такой же, как и сталинский. Понемногу он начинает нажимать на рабочих и может довести до отчаяния. Находясь в лагерях ди-пи Австрии, Италии и Германии, вы просились в Америку, вас привезли, позволили заработать денег, а теперь вы ходите, задравши нос, покупаете дорогие дома. Знайте, что этим не спасетесь и не освободитесь от рабства: в России всё комиссарское а здесь капиталистическое. Если у вас есть желание освободиться от диктатуры и от власти капитала, то для этого надо объединиться в организации Дела Труда.

Надо воспринять идеи анархизма, который указывает правильный путь к освобождению человечества. Читайте Кропоткина, Бакунина, Толстого, Малатесту и многих других авторов по теории анархизма, о новом социальном порядке. Анархизм учит, что не должен человек человека ни угнетать, ни эксплуатировать. Все люди — братья, они сами делают свои дела. Народ знает, что ему нужно, а политиканы, сидящие в парламентах, только одурачивают народ. Поэтому я еще раз обращаюсь ко всем трудящимся:

— В борьбе, обретешь ты право свое, достигнешь независимости, свободы, равенства и братства. Организуйтесь, объединяйтесь вокруг Дела Труда.

Г. Резанович

Помощь Журналу

Откликаясь на призыв Редакционной Коллегии журнала "Дело Труда-Пробуждение," его друзья и читатели из разных городов США, Канады и других стран поспешили с финансовой помощью журналу. Приводим выдержки из их писем:

РОЧЕСТЕР, Н. И.: Посылаю 25 д. в издательский фонд "ДТП". **Л. Л.** — ЧИКАГО, Иллиной: На издание журнала "ДТП" шлю 10 д. **Р. Петров.** — СОЛТ ЛЭЙК СИТИ, Юта: Прилагаю почтовый перевод на 2 д.: один в фонд журнала, а другой на подписку. **А. Б.** — НЬЮ ХЭЙВЕН, Конн.; Шлю новогодний дар журналу "ДТП" в сумме 20 д. 50 с.: жертвовали П. Б. — 10 д., Яруб — 5 д., Т. Я. — 2 д., Я. Л. — 2 д., И. Ж. — 1.50, за проданные номера журнала — 2.50, итого — 23 д. **Яруб.** — ТОРОНТО, Канада: В издательский фонд "ДТП" посылаю 5 д. **П. Гронский.** — Шлю в фонд "ДТП" 10 д. **Н. Шабан.** — МАЙНОТ, Норт Дакота: Прилагаю чек на 2 д. в фонд "ДТП." **А.К.Д.**—НЬЮ ХЭЙВЕН, Конн.: Посылаю 12 д., из коих 2 д. в счет подписки и 10 д. в фонд уважаемого журнала "ДТП." **А. Рапецкий.** — БРУКЛИН, Н. И.: Посылаю 5 д. в счет подписки и в фонд журнала "ДТП." **Меткин.** — БРИДЖПОРТ, Конн.: В издательский фонд журнала "ДТП" посылаю 5 д. **И. Кардель.** — ВИННИПЕГ, Канада: Шлю вам 5 д., из которых 2 д. за проданные номера и 3 д. в фонд "ДТП." **О. Довгалюк.** — ГЭРИ, Индиана: Посылаю денежный перевод на 30 д. в фонд журнала "Дело Труда-Пробуждение." **Н. Г.** — ЮНГСТАУН, Охайо: Посылаю на издание "ДТП" 2 д. **Н. Кусси.** — КЭНЗАС СИТИ, Кэнзэс: Примите от меня 10 д. на "Дело Труда-Пробуждение." За свободу и братство всех людей. **С. Горелик.** — МОХИГЕН, Н. И.: В фонд "ДТП" посылаю 5 д. **И. Богин.** — ВОТЕРБУРИ, Конн.: Денежным переводом шлю 5 д. на журнал "ДТП." **Д. Безов.** — ЧИКАГО, Иллиной: Журнал "ДТП" стоит на должной высоте. Шлю на поддержку журнала 5 д. **И. Ко-в.** — АКРОН, Охайо: В фонд "ДТП" жертвовали: И. Бурдыко — 5 д., К. С. и Михаил Т. — по 2 д., Павел Краско 1 д. **И. Б.** — ФИЛАДЕЛЬФИЯ, Пенн.: Посылаю 30.50, из коих 3 д. за книгу Карелина "Вольная Жизнь," за проданные номера — 10 д., остальные в фонд "ДТП"; пожертвовали по 5 д.: Криворожский шахтер, Марченко и Скиталец; Старый шахтер — 2 д. и М. Б. 50 сентов. **И. Скиталец.** — САУТ РИВЕР, Нью Джерзи: Шлю 5 д. на "ДТП." **Ф. Черновец.** — ЧЕСТЕР, Пенн.: На издание "ДТП" шлю 1 д. **Д. Веремейчук.** — ЛЭЙКВУД, Нью Джерзи: Посылаю в издательский фонд журнала "Дело Труда-Пробуждение" 5 д. **П. К.** — ГОЛТ, Канада: В фонд "ДТП" шлю 10 д. **Т. Макаров.** — ЮНГСТАУН, Охайо: Посылаю 12 д., из коих за проданные номера 3 д. и 9 д. в фонд "ДТП"; жертвовали: С. М. — 5 д. Локшин и Семенос — по 2 д. **С. Медынич.**— БАЛТИМОРА, Мэрилэнд: Прилагаю чек на 12 д. в

фонд "ДТП." Жертвовали: Таня Савчук — 10 д., П. Ж. — 2 д. **С. Ж.** — С-ЛУИС, Мизури: На издание журнала "ДТП" посылаю 39.75; жертвовали: М. Хведченя — 10.75, Безыменный — 10 д.; по 5 д.: М. Рад-чик, С. Тю-вич; по 3 д.: Н. Су-ло, И. Т. и М. Ру-ов. Нью Иорк: Н.—50 д., П. Б. и И. А. по 10 д., Г. С. и С. К. по 3 д. **М. Х.,** Секретарь.

Финансовый Отчет Фонда имени А. Беркмана

С 13 декабря 1953 г. по 6 ноября 1954 г. поступили на приход следующие суммы в Фонд имени А. Беркмана: Комитет Защиты — 200 д., Рабочие Кружки — 141 д., Группы и отдельные товарищи — 228 д., Чикагская группа — 296 д., А. В. Порезов из Детройта — 100 д., мелкие пожертвования — 25 д., остаток на 13 декабря 1953 г. — 322.01, итого — 1312.01. РАСХОД: помощь политическим заключенным в Испании — 800.55, помощь болгарским беженцам — 240.45, помощь политическим заключенным в Италии — 100.15, почтовые и канцелярские расходы — 108.08, разные — 15 д., итого — 1264.23, остаток — 47.78.

Рев. Комиссия: **Дэн Фавия, А. Тибери, Б. Каплан**

ПИСЬМА ЧИТАТЕЛЕЙ

НОВАЯ ЗЕЛАНДИЯ. — Дорогие друзья! Мы только что получили последний выпуск журнала "Дело Труда-Пробуждение," который весьма интересен своим содержанием. Должен сказать, что мы всегда ожидаем журнал с большим нетерпением и не находим слов выразить, насколько нам нравится "ДТП" и насколько мы в нем нуждаемся при монотонной жизни, где нет ничего возвышающего и дорогого.

Правда, мы получаем много анархических газет и журналов и признаем всех их своими, вне зависимости оттого, на каком языке они издаются—русском, английском или болгарском,—т. к. все они принадлежат нашему движению. Но позвольте вам сказать, искренно выразить нашу признательность и благодарность тем друзьям, которые готовы были пожертвовать всем ради журнала "ДТП" и продолжают выпускать его — одного из старейших анархических изданий на русском языке.

Надо отдать справедливость: русские дали не только великих учителей анархизма, но и основоположников. Бакунин положил фундамент великому гуманитарному учению, которое он назвал анархией. Поэтому русские друзья не должны извиняться за то, что они не столь активны, как их предшественники. Мы много пережили и устали, делали и продолжаем делать ошибки, на ошибках учимся.

Теперь наше движение по всему миру ищет правильный путь для быстрейшего осуществления анархических идей. Мы надеемся, что скоро мы будем объединены в мировом масштабе и тогда будем иметь возможность сделать наши идеи более популярными среди широких масс трудящихся.

Да, друзья, многое зависит от вас и от самодеятельности каждого из нас. Поскольку можем, мы стараемся помочь вам, но нам не разрешается посылать вам деньги по почте. Наша группа в Новой Зеландии желает вам всем бодрости в наступившем 1955 году. Надеемся, что недалеко то время, когда все человечество будет праздновать День Свободы. **Златко Златков.**

МОНТЕВИДЕО, Уругвай. — Уважаемые товарищи! Посылаю на наш журнал "Дело Труда-Пробуждение" 50 уругвайских пезо. Жертвовали следующие товарищи: Николай Статик — 20, Яша Шерстюк — 10, А. Черняков — 8, Григорий Кривовязов — 7, Давид Бучацкий — 2, Семен Павлов — 2 и Д. В. — 1 пезо. **А. Черняков**

С-ЛУИС, Мизури. — Дорогие товарищи "делотрудовцы"! Времена ныне лихие, реакция буйствует, как пьяный хулиган, поэтому нищие духом забились в норы и боятся встречаться. Я очень вам благодарен, что вы не забываете, пишете и напоминаете о моем долге. Живу я почти отшельником, не с кем поговорить по-человечески. Оживаю лишь тогда, когда получаю от кого-либо из вас письмо. Весьма рад, что вы продолжаете "сеять разумное, доброе," выпуская хоть изредка журнал "Дело Труда-Пробуждение." Возраст мой уже не тот, что был 20 лет: нет гибкости и ловкости, устаю и требуется отдых, чтоб пополнить силенки и проработать день. Скоро выйду в отставку, но пока что стараюсь держать голову повыше, житейских позиций не сдаю, продолжаю с вами держать наш трудовой фронт и шлю 5 д. в фонд журнала "Дело Труда-Пробуждение." **М. Хведченя**

АБЕРДИН, С. Дакота. — Уваж. товарищи, спасибо за журнал и за то, что не забываете меня. Сейчас не работаю. Как только начну работать, немедленно вышлю на поддержку журнала "ДТП" несколько долларов. **А. Русек.**

ЧИКАГО, Иллиной. — Уваж. товарищи! За проданные номера "ДТП" посылаю вам 20 д. 50 сентов. Привет и добрые пожелания. **И. Волков.**

ПОРТ КОЛБУРН, Канада. — Мне уже 78 лет, оглох и только на левый глаз немного вижу. К тому же одинок, не имею ни родственников, ни близких друзей. Получаю жалкую пенсию в 40 д. в месяц и с большим трудом свожу концы с концами. Попрежнему остаюсь безвластником и рад, что вы продолжаете дело, начатое в прошлом нашими учителями. Спасибо за журнал "ДТП." **Д. Мороз.**

НИАГАРА-ОН-ДИ-ЛЭЙК, Канада. — После смерти моей жены я не мог оставаться дома, будучи одиноким и совершенно разбитым; был в Торонто, а затем две недели провел в Виндзоре у своих друзей. Когда вернулся домой, нашел кучу писем и весьма интересную книгу Карелина "Вольная Жизнь," которую Вы мне прислали. Сердечно благодарю вас за присылку ценной книги. Еще прошлой осенью я и жена планировали купить несколько книг по анархизму, чтобы иметь зимой занятие, ибо оба мы любили читать такую литературу. К несчастью, наши надежды не осуществились: жена ушла в вечность, а я остался один и без книг, которые давно мечтал прочесть. Теперь же покупку книг придется отложить, т.к. доктора, госпитали и похоронное бюро здорово очистили меня. **А. И—ко.**

КЛИВЛАНД, Охайо. — На днях в городской библиотеке **впервые** получили журнал "Дело Труда-Пробуждение." Кливландская Публичная Библиоте-

ка желает иметь два экземпляра каждого выпуска вместо одного. Очень желательно, чтобы журнал "ДТП" печатался в обложке. Это желание многих. Кливландская Публичная Библиотека принимает в подарок книги на русском и английском языках. Здешние друзья "Дела Труда-Пробуждения" немножко "заржавели," их следовало бы раскачать и расшевелить. Было бы хорошо, если бы кто-нибудь из вас приехал сюда на пару дней — на беседу и на чашку чаю, чтобы общими силами снова наладить групповую работу. **А. Локшин.**

ЮНГСТАУН, Охайо. — Имел глазную операцию, которая прошла благополучно. Зрение медленно восстанавливается. Прошло уже три мецяца, но я еженедельно должен заявляться к врачу. Когда закончится лечение, поеду во Флориду на "Лайв Оак Фарму." Русская колония в Юнгстауне сходит на нет, вымирает. Некоторые заразились большевизмом и превратились в потешных марионеток, которые поют, пляшут и выкликают затверженные фразы, когда "вождик" дернет за нитку. Есть, конечно, и обросшие долларами, эти превратились в мещан. Еще более непонятно поведение тех, которые пережили все "прелести" большевизма—ди-пи: все они какие-то своеобразные. В общем почти у всех направлений политической мысли — топтание на месте и нет никаких устремлений вперед, к свободе, равенству и братству, нет порывов к борьбе со злом. Почти все погрузились в церковные или государственные предрассудки. **С.М.М.**

БРУКЛИН, Н. И. — Посылаю 1д. в уплату за полученную от вас интересную книгу Карелина "Вольная Жизнь." Книга вполне соответствует идеалам безвластного мировоззрения. Появление ее кстати в столь тревожное время, когда идет переоценка ценностей, а загнанное в тупик человечество стоит на краю гибели. Теперь настало время, когда много говорят и пишут, а читать нечего; темы привлекательны, а содержание — полнейшая чушь; так в газетных статьях, на лекциях и докладах. Издательства переполнены макулатурой, которую никто не читает, и она целыми кипами лежит неподвижно на складах. Книга Карелина является светочем во мраке, окутавшем человечество. **Е.М.**

ВИЛКС БАРРИ, Пенн. — При моем возрасте мне очень трудно работать в шахте. К тому же здоровье мое неважное. Приходится далеко ездить на работу: надо вставать в 4 часа утра, а с работы возвращаешься в 4 часа пополудни. Когда нужно идти на работу, ноги отказываются нести тебя в тот кромешный ад, где изнемогаешь от тяжелого труда под землей. Застой в антрацитовых шахтах дает себя чувствовать: многие шахтеры находятся сейчас без работы. Хозяева угольных копей очень прижимают теперь рабочих, истощают их душевно и физически и приводят в отчаяние. При таких условиях очень трудно шахтеру работать. Юнион никакой помощи не оказывает и не обращает внимания на издевательства угольных баронов над шахтерами. Луисовская юнионная бюрократия так помогает шахтерам, как клещь овце. **А.Х.**

ВИНДЗОР, Канада. — Посылаю 10 д.: 5 д. в фонд журнала "ДТП" и 5 д. — подписка на журнал. Так как праздники уже прошли, то придется ограничиться лишь тем, что поблагодарить всех работников журнала и пожелать им здоровья, бодрости и успеха в их бескорыстной, благородной работе. Журнал "ДТП" это тот маяк, который освещает и указывает путь блуждающим русским колонистам к освобождению от власти государства и церкви.

С тов. приветом **С. Сак.**

ДЕТРОЙТ, Мичиган. — Дорогие товарищи! Посылаю вам 114 д., из коих 23 д. за журнал, 37 д. за книгу Карелина "Вольная Жизнь" и 54 д. в фонд "ДТП"; жертвовали: М. Волынский, И. Черный, Из-во "Друг" и С. Сак — по 10 д.; М. Хведченя и В. Торба — по 5 д.; Н. О. — 2 д.; Р. К. и К. К. — по 1 д.

Убедительно просим всех наших друзей и товарищей не забывать, что в текущем году исполнится 30 лет, как вышел первый номер журнала "Дело Труда," и 15 лет, как мы объединили два органа—"Дело Труда" и "Пробуждение." Две этих знаменательных даты следует отметить должным образом, а для этого нужны деньги, статьи и корреспонденции.

От имени Профсоюза мы выражаем нашу глубокую признательность и сердечную благодарность всем тем, которые прислали деньги за книгу Карелина "Вольная Жизнь." Мы верим, что и остальные последуют их примеру. Было бы очень желательно, чтобы в будущем деньги посылали не нам, а в редакцию журнала "ДТП." **Профсоюз г. Детройта.**

Финансовый Отчет Редакционной Коллегии "ДТП"

с 1 декабря 1954 по 1 апреля 1955 г.

ПРИХОД:

Перенос	$ 32.03
Поступило в фонд журнала	545.75
Поступило за проданные номера	74.25
Поступило на подписку	16.00
Поступило за книги	47.00
Итого	$715.03

РАСХОД:

Издание и экспедиция № 46 "ДТП"	$433.20
Помещение за 3 месяца	30.00
Почтовый ящик за полугодие	12.00
Почтовые расходы	14.65
Итого	$489.85
Остаток на 1 апреля	$225.18

Новая книга о духоборах

С. Ф. РЫБИН

Труд и Мирная Жизнь

история духоборцев без маски.

Цена 3 д. 50 ц.

С заказами обращаться к автору:

S. F. REIBIN

Route 1, Box 364 Manteca, Calif.